

ШЕРВАШИДЗЕ И. Н.

ФРАГМЕНТ ОБЩЕТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКИ ЗАИМСТВОВАННЫЙ ФОНД

На протяжении своей истории тюркские языки вступали во взаимодействие с различными окружающими их языками. В результате, естественно, лексика отдельных тюркских языков оказалась насыщенной весьма большим количеством иноязычных заимствований. Разбор всей заимствованной лексики в тюркских языках, разумеется, не входит в нашу задачу: в настоящей работе мы ограничимся предельно кратким рассмотрением лишь наиболее древних пластов заимствований (никак не претендуя при этом на абсолютный охват всего существующего материала). Следует поэтому предварительно оговорить некоторые исходные предпосылки, позволяющие выделить более или менее компактный слой общетюркской заимствованной лексики.

«Общетюркской» в данной работе мы будем называть всякую лексику, засвидетельствованную в древнетюркских письменных памятниках не позднее XI в. (т. е. не позднее, чем в словаре Махмуда Кашгарского) и при этом представленную хотя бы в нескольких современных тюркских языках. Первое ограничение позволяет убедиться в достаточной древности данной лексемы в пределах тюркской языковой общности (хотя в отдельных случаях иноязычное слово может оказаться общетюркским и при отсутствии древнеписьменной фиксации¹). Второе ограничение позволяет исключить из рассмотрения довольно большой слой «окказиональных» заимствований в древнетюркском, не сохранившихся в современных языках (в большинстве своем это каноническая и прочая специальная лексика китайского, индийского или иранского происхождения, встречающаяся преимущественно в древнеуйгурских текстах различного содержания, но недостаточно освоенная и впоследствии забытая)².

Выделенный таким образом слой общетюркской заимствованной лексики можно подразделить на несколько групп: 1. Заимствования из китайского языка; 2. Заимствования из иранских языков, в основном из согдийского или среднеперсидского (пехлевийского); 3. Сравнительно

¹ Подобных случаев довольно мало, и все они требуют специального обоснования (такого, например, как наличие для данной лексемы исконного чувашского соответствия, старых тюркизмов в венгерском или других языках и т. п.). Эти случаи следует четко отличать от очень богатого слоя «межтюркских» слов иноязычного происхождения — поздних заимствований (в основном поздних монголизмов, иранизмов, арабизмов и русизмов), распространившихся в среде тюркских языков после XIII в. Этой теме в данной работе мы не касаемся.

² Особый разряд слов — термины древнетюркской титулатуры — мы в порядке исключения перечисляем в данной работе, поскольку они вкупе с довольно большим количеством китаизмов не только свидетельствуют о степени влияния древнекитайской цивилизации на древнетюркскую, но и позволяют составить более полное представление об общем распределении заимствованной лексики по различным тематическим группам. Вклад иранской и иных культур в древнетюркскую отчасти будет уточнен нами в отдельной работе — «Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура».

небольшая часть заимствований из неиранских индоевропейских источников; 4. Заимствования из неидентифицированных источников. Характерно, что среди общетюркской заимствованной лексики встречаются единичные и окказиональные монголизмы, а также общетюркские слова, вероятно, финно-угорского (уральского) происхождения.

I. Китаизмы

1. **alaču* «шатер». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 33; 2, с. 129—130], широко распространено в современных языках (часто с суффиксальным *-k*, отраженным в русск. *лачуга*) со значением «шатер, палаш, лачуга» [3, с. 97—98; 4, с. 15; 5, с. 130—131].

Надежной этимологии слово не имеет. Рассмотрение **alaču* как формы с суффиксальным *-ču* [5, с. 131] (см. также [6, с. 91]) вряд ли оправданно (ср. [3, с. 101], где Г. Дёрфер пишет: «Возможно, культурное слово, происходящее из вымершего языка»). Представляется возможным сблизить тюркскую форму со ср.-кит. (1)³ *lō-śā*/совр. *lúshè* «хижина; палаш в поле; деревенский дом, примитивная постройка» [7, с. 284]⁴. Произношение этого композита в поздндревнекитайском, по С. А. Старостину, должно было бы быть **la-śiá*. Начальный *a-* в тюркской форме объясняется как протетический (при регулярности протезы в древнетюркском перед анлаутным *l-*). Возможно также замещение ср.-кит. *ś* тюркской аффрикатой *č* (при учете позднего характера тюрк. *š*). Не вполне ясна, однако, причина замещения кит. *-a* на тюрк. *-u* в ауслауте (но ср. № 19). По фонетическим особенностям, таким образом, данное заимствование можно датировать довольно ранним временем — ок. IV в. н. э.

2. **altun* (/**altin*) «золото». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 40; 2, с. 131], широко распространено в современных языках [3, с. 112; 4, с. 18; 5, с. 142].

Надежной этимологии слово не имеет. Оно обычно считается сложением, где в первой части представлено тюрк. **āl* «алый, красный» (**altun* < **āl-tun* с вторичным сокращением долготы). Вторую часть (**-tun*) М. Ряснен идентифицирует со словом, представленным в чув. *tuj* «бронза» и якут. *duj* «полуда» (<тюрк. **tuñ*). Гипотетическую праформу **tuñ* (**toñ*) М. Ряснен выводит из кит. *ton* «медь» [4, с. 18, 488]. Однако в китайских словарях подобное слово нами не обнаружено. Здесь мы имеем дело, по-видимому, с искажением этимологии Г. Рамстедта [8, с. 151], сравнивавшего тюрк. **-tun* в **al-tun* (без привлечения чув. и якут. форм) с кор. *ton* (ср.-кор. *tōn*) «благородный металл». Заметим сразу, что подобная этимология весьма сомнительна. К критике Г. Дёрфера [3, с. 114] следует добавить, что в кор. (и ср.-кор.) слово *tōn* обозначает не «металл», а «деньги» [9, 10]. Сближение **-tun* с чув. *tuj*, якут. *duj* также вызывает сомнение ввиду несовпадения конечных согласных (не говоря уже о том,

³ Здесь и далее полужирные цифры в скобках означают номера иероглифов, представленных в указателе (см. с. 70).

⁴ В данной работе при транскрипции китайских слов мы придерживаемся среднекитайской и древнекитайской реконструкции С. А. Старостина, любезно предоставившего нам возможность пользоваться рукописью своей работы «Древнекитайская фонология» и оказавшего нам большую помощь при транскрибировании китайской лексики. По финно-угорской части работы ценные замечания были даны Е. А. Хелимским, а по работе в целом — А. М. Щербаком. Всем этим ученым мы приносим искреннюю благодарность.

что праформа **tuñ* для чув. *tuɟ* и якут. *duɟ* — лишь одна из возможностей реконструкции).

Вопреки Н. Поппе [11, с. 85, 117, 140], явно не оправданно рассмотрение тюрк. **altun* как исконно алтайского слова (соответствующие монгольские и тунгусо-маньчжурские слова, несомненно, имеют тюркское происхождение, а маньчж. *aisin* «золото» вообще не имеет отношения к рассматриваемому корню [12, с. 416]). При обстоятельной критике версии Н. Поппе Г. Дёрфер предполагает следующее направление заимствования: дотюрк. **alton* > монг. *altan* > эвенк. *altan*, *aldun*, сол. *altā* и т. п. [13, с. 142; 3, с. 114].

На фоне этих сомнительных этимологий оказалась несколько затупеванной еще одна этимология, предложенная Г. Рамstedтом [14, с. 18]: сближение тюрк. **-tun* с синокор. *toɟ* «латунь; медь». Естественно, тюркскую форму при этом следует сравнивать не непосредственно с кор. *toɟ* (известно преувеличение Г. Рамstedтом роли синокорейской лексики), но с его ср.-кит. прототипом (2) *duɟ* / совр. *tōng* «медь; бронза; латунь» [15, с. 262]. Известны и другие случаи передачи кит. -ɟ через тюрк. -п в древних заимствованиях (см., ниже, в частности, название чугуна), так что различие конечных согласных в данном случае не препятствует сближению тюркской и китайской форм.

Исходным значением тюрк. **al-tun* (// **al-ton*) было, по-видимому, «красная медь», ср. сохранение более архаичного значения в якут. *altan* «медь» (о том, что якутская форма не заимствована из монгольского, см. [13, с. 142]), а также в некоторых тунгусо-маньчжурских языках (нег. *altan* «медь», нан. *altā* «жесть», эвенк. *altan* «медь; золото» и др. [16]). В таком случае тюркскую форму можно считать калькой ср.-кит. (3) *čhek-duɟ* / совр. *chì-tóng* «красная медь» [17, с. 837], где **al-* = ср.-кит. *čhek* «красный», а **-tun* (// **-ton*) = ср.-кит. *duɟ* «медь». Происхождение тюрк. **-tun* < кит. *duɟ* представляется нам достаточно вероятным, учитывая вероятность китайского происхождения также ряда других тюркских названий металлов (см. № 4, 13, 14, 17). К этому ср. еще [18, с. 19—24; 6, с. 112—114] и др.

3. **āb* «жилище, становище». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 162; 2, с. 3—4], широко распространено в современных языках с закономерными фонетическими вариациями — *äv*, *öv*, *öj*, *üj* и др. [3, с. 226; 4, с. 34; 5, с. 513—514]. Древность слова удостоверяется наличием вероятного тюркизма (от **āb körüg*) в древнегрузинском — *ebgur-i* «дозорный, сторожевой» [19, с. 145].

Возведение тюрк. **āb* к китайскому принадлежит Е. Д. Поливанову [20], который относил эту форму к ср.-кит. (4) *'ip* (др.-кит. **'əp*) / совр. *yì* «поселение, населенный пункт; поселок, деревня» [17, с. 357]. Такое объяснение представляется вполне удовлетворительным. Заметим, что в подавляющем большинстве случаев китайские конечные -t, -k передаются в тюркском через -r, -g⁵, что соответственно делает достаточно вероятной и передачу кит. -p через -b (ср. № 6, 9, 31).

4. **bakir* «медь». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 82; 2, с. 317], широко распространено в современных языках [4, с. 58; 21, с. 45].

Надежной этимологии слово не имеет. А. Йоки [22, с. 80] и М. Ряснен [4, с. 58] в качестве источника тюркских форм приводят перс. *babur*

⁵ Кит. -t передается через тюрк. -t, по-видимому, в самых ранних заимствованиях (см. № 9), а позднее — через -r (см. № 10, 14). К отражению кит. -k через тюрк. -g см. № 6, 26, 33, 34, а также № 7, 17, 18.

«медь; медная монета», однако подобное слово в персидских словарях (в частности, в словарях Борхана, Волластона, Вуллеса, Гаффарова, Дехходá, Моина, Нафиси, Стейнгасса, Юнкера/Алави, Ягелло и др.) нами не обнаружено. В [21, с. 46—47] предполагается отглагольное происхождение **bakir*, но производящая основа надежно не идентифицируется.

Учитывая возможность передачи в ранних китайских заимствованиях кит. -*n* через тюрк. -*r*⁶, мы считаем возможным сопоставить тюрк. **bakir* со ср.-кит. (5) *bāik-ŋin* / совр. *báiyin* «серебро; серебряные деньги» [7, с. 601], досл. «белое серебро». В пользу такого сближения свидетельствует, в частности, наличие в древнетюркском специфического значения «китайские деньги» [24]. При этом ввиду отсутствия срединного -*ŋ* в тюркской форме данное объяснение слова может оказаться не единственным возможным.

5. **bakši* (**bagši*) «учитель, наставник». Представлено в древнеуйгурских текстах различного содержания предположительно с VIII в. [1, с. 82; 2, с. 321], широко распространено в современных языках со значениями «писец, писарь; народный певец, музыкант; шаман; чародей» и др. [3, с. 271; 4, с. 59]. Заслуживает внимания, однако, указание Дж. Клосона [2, с. 321] на то, что реально слово отсутствует в тюркских источниках с IX по XIV в., а потому современные формы (кирг. *baqši*, узб. *baqši* и т. д.) могут не отражать непосредственно древнетюркскую форму, но представлять собой заимствования из монг. *baqši* [25, с. 70] (<др.-тюрк. **bagši*).

При подробном разборе данного слова Г. Дёрфер [3, с. 271—274] справедливо отвергает выведение **bakši* из скр. *bhikṣu* «нищий; странствующий монах» [26, с. 265] (так, например, [27; 28, с. 368] и др.) и поддерживает общепринятую в настоящее время этимологию: тюрк. **bakši* «учитель, наставник» <ср.-кит (6) *bāk-si*' / совр. *bó'shì*, *bóshì* стар. «старший ученый, главный эрудит» (также должность и звание с дин. Тан) [15, с. 58; 29].

6. **bäg* «правитель, вожь, бек». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 91; 2, с. 322—323], широко распространено в современных языках с различными модификациями значения [3, с. 389—392; 4, с. 67; 21, с. 97—98]. Титул *bäg*, согласно Г. Дёрферу [3, с. 393], обозначал четвертый ранг древнетюркской знати («Князь, вожь отдельного рода или значительный, важный чиновник»), после титулов *qaγan*, *qan* и *tägin*. Однако в другом месте своей работы Г. Дёрфер пишет: «Выражения *qaγan* и *qan*, таким образом, могут относиться к одному и тому же лицу, поскольку первое представляет собой конкретный титул (и одновременно обозначение должности), а второе скорее является общим обозначением ранга» [30, с. 141]. В том, что титулы *qan* // *qaγan* иерархически действительно «выравнены» и элиминированы, легко можно убедиться даже на примерах словарной статьи *qan* в ДТС [1, с. 417]. Из этого следует, что реально *bäg* занимает третью ступень в ранговой номенклатуре общественно-государственного строя древних тюрков.

⁶ О передаче иноязычного -*r* через -*n* в ранних китайских транскрипциях см. [23, с. 228—230], там же (с. 230) см. о возможности передачи иноязычного -*n* через кит. -*ŋ*. Характерно, что в нескольких ранних китаизмах в тюркском мы встречаем точно такую же фонетическую особенность (кит. -*ŋ* > -*n*, кит. -*n* > -*r*, см. № 2, 4, 11, 13, 18, а также № 19, 37). Следует, однако, специально оговорить, что подобная субституция ни в коей мере не представляет собой общее правило, поскольку существуют случаи передачи -*n* через -*n*, а -*ŋ* через -*ŋ* (см. № 12, 15, 16, 20, 21 и др.). По-видимому, мы имеем дело с заимствованиями из различных позднедревнекитайских диалектов.

Из двух версий происхождения данного титула (иранской и китайской) нам представляется более предпочтительной вторая: возведение тюрк. **bäg* к ср.-кит. (7) *päik*, позднедр.-кит. **päik* /совр. *bó* «бо (наследственный титул знати 3-го из 5 высших классов в старом Китае); граф» [7, с. 603]. Эта этимология принадлежит Г. Рамстедту [31, с. 182—183], ее поддерживают В. Котвич [32] и Дж. Клосон [2, с. 322] ⁷. Критика Г. Дёрфера [3, с. 405] в основном затрагивает монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели для тюркского слова, но, по-видимому, не подрывает самой этимологии *bäg* < кит. *päik*. Дополнительным аргументом в пользу этой этимологии является к тому же весьма точное совпадение в ранговой иерархии китайского и тюркского терминов.

Версию об иранском происхождении тюрк. *bäg* из ср.-перс. *bag* или согд. βγ «бог; господин» [33, 34] и др., с некоторым сомнением [35, с. 85], мы считаем менее удачной как по семантическим, так и по фонетическим причинам (неясен тюркский передний -*ä*- при явно заднем иранском гласном). Поэтому с положением Г. Дёрфера о том, что и китайская, и иранская версии одинаково хороши, а потому обе неверны [3, с. 405], никак нельзя согласиться.

7. **bāngu* «вечный». Представлено в древнетюркском с VIII в. (как с инициальным *b*-, так и более поздним инициальным *m*-) [1, с. 94, 341, 343; 2, с. 350—351], широко распространено в современных языках с различными фонетическими модификациями [4, с. 334; 12, с. 28—29; 21, с. 113—114]. Из тюркского заимствовано монг. *möngke* «вечный» [25, с. 547], впоследствии проникшее в ряд тюркских языков [4, с. 334].

Вслед за Г. Рамстедтом [36, с. 266; 31, с. 141] тюркскую форму следует возводить к китайскому источнику, однако не через посредство синокор. *tankö*, но непосредственно к ср.-кит. (9) *twän-kö* /совр. *wàngü* «глубочайшая древность; во веки веков, навечно; вечный» [15, с. 339]. Вряд ли оправдан в данном случае скептицизм Ю. Немета [37], точно так же, как и выделение в составе тюркской формы атрибутивного суффикса -*ki* [21, с. 114]. Фонетическая сторона данной этимологии, по-видимому, вполне надежна (наличие регулярная субституция *m*-, отсутствовавшего в пратюркском и раннем древнетюркском, на *b*- и передача среднекитайского переднего -*ä*- через тюрк. -*ä*- с последующей сингармонизацией второго слога).

8. **bij(ä)* // **bä j(ä)* «кобыла». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — ок. IX [1, с. 97; 2, с. 291], распространено в большинстве современных языков [4, с. 75; 21, с. 133].

Первоначальную фонетическую форму слова определить несколько затруднительно: в древнетюркском возможно прочтение как *bi* [1, с. 97], так и *bä* // *bä* [2, с. 291]. На исходный -*j*- указывают тат. *bijä*, ног. *bije* и т. п. Реконструкция А. М. Щербака — **pä* [38] представляется не вполне обоснованной, прежде всего из-за отсутствия туркменских параллелей (якутская форма *biä* в данном случае вряд ли указывает на долгий *-*ä* — такая реконструкция противоречила бы древнетюркским данным, — но скорее отражает исходную форму типа *bijä*). Г. Рамстедт [31, с. 200] сравнивал тюркскую форму с синокор. *pī* «самка» (маньчжурские формы, привлекаемые там же, вряд ли имеют сюда какое-либо отношение). Следует говорить, естественно, не о выделении тюркской формы из корейско-

⁷ Менее вероятно, по-видимому, этимология А. Йоки [22, с. 87—88], выводящего тюркскую форму из ср.-кит. (8) *pjek* /совр. *bì* «государь, господин, владыка (о монархе, начальнике, муже)» [7, с. 847].

го слова китайского происхождения, но об общем их происхождении из ср.-кит. (10) *bji*/совр. *pín* «самка (животного)» [17, с. 303] ⁸. Сужение значения «самка» → «кобыла» возможно при заимствованиях (к этому ср., в частности, ср.-кит. (11) *bji-mā*/совр. *pín-mā* «кобыла» [17, с. 303]).

9. **biti-* «писать», **biti-g* «книга, надпись». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определено — с VIII в. [1, с. 103; 2, с. 299, 303], в современных языках глагол распространен довольно слабо (в основном в юго-восточных, где отмечается также форма *bit-*), а имя — несколько шире (с сохранением конечного согласного на правах архаизма) [3, с. 262; 4, с. 77; 21, с. 155—156]. Древность слова удостоверяется наличием старого бугларизма в венгерском — *betü* «буква» [39, с. 44], а также тур. диал. *biti*, тат. *büti*, тат. диал. *bütü*, чув. *pētü* «амулет» [21, с. 157].

Общепринятой в настоящее время является китайская версия происхождения тюркского **biti-*. Предполагается, что глагол *biti-* — производное от незасвидетельствованного имени **bit* < ср.-кит. (12) *pit*/совр. *bǐ* «кисть, перо, карандаш; взмах кисти, росчерк, черта (о иероглифе); запись; стиль, манера (письма), почерк, прием (техника) письма» [7, с. 902; 3, с. 263; 2, с. 299; 21, с. 156], с некоторым сомнением [4, с. 77] ⁹. Бесспорным тюркизмом является монг. *bičig* «письмо» [25, с. 101], впоследствии проникшее снова в ряд тюркских языков [3, с. 263; 4, с. 75; 21, с. 157].

Имеется, однако, и иная точка зрения, которую представляют Д. Синор [44] и К. Менгес [45]. Вслед за П. Шмидтом [46] и др. эти исследователи предпочитают сравнивать тюрк. *bitig* с индоевропейскими формами типа греч. *πιττάκιον* «писчая табличка», тох. В *piṭak* «собрание буддийских текстов», скр. *piṭaka* [47, с. 211] и т. п. Уязвимым местом этой этимологии является то, что в этом случае необходимо предположить вторичное переразложение основы на тюркской почве (выделение глагольной основы *biti-* из имени *bitig*). Следует отметить также тот факт, что данная основа сама по себе засвидетельствована в древнетюркском, куда она, возможно, проникла через сирийское посредство в несколько ином виде (сир. *peṭq-ā* «*tabula*» [48], ср. др.-уйг. *bitkä-či* // *bätkä-či* «писец, писарь»; о сирийском происхождении основы данного слова см. [4, с. 77; 2, с. 305; 49] и др.). В целом китайская версия этимологии слова представляется все же предпочтительной.

10. **bur-ḡan* (**bur-qan*) «Будда». Представлено в древнетюркском предположительно с V—VII и VIII вв., определено — с IX [1, с. 127; 2, с. 360—361], сохранено со значением «бог» или «идол» в ряде современных северо-восточных языков, а также в киргизском эпосе [3, с. 282; 4, с. 89; 2, с. 360].

⁸ Современное кит. *pín* «самка (животного)» восходит (с нерегулярным развитием инициального согласного) к среднекитайскому вторичному варианту *bjin* — в древнекитайском, согласно С. А. Старостину, это слово конечного *-n* не имело, судя по данным рифм.

⁹ Судя по передаче кит. *-t* через тюрк. *-t*, данное заимствование следует отнести к достаточно раннему периоду. В более позднее время (начиная, видимо, с VIII—IX вв.) кит. *-t*, по С. А. Старостину (со ссылкой на [40]), в северо-западном диалекте перешел в *-r* и передавался в тюркском уже через *-r* (см. № 10, 14). А. фон Габэн [41, с. 303] и Б. Чонгор [42, с. 81, 106], последний и с монгольской параллелью — *bigir*, *bi'ir* (по [43], — *bir*), приводят др.-уйг. *bir*, *biir* «кисточка для письма» (см. также [4, с. 76; 3, с. 264]), возможно являющееся как раз более поздней передачей того же китайского слова. Однако в [1] и [2] эта форма отсутствует и вопрос о ее наличии в древнетюркском требует дополнительных изысканий.

Слово, несомненно, является сложением компонентов *bur* < позднеср.-кит. (13) *büt* / совр. *fó* «будда, достигший совершенства» [15, с. 548] и тюрк. *хан* (*qan*) «хан, правитель, повелитель» [3, с. 283; 4, с. 89; 2, с. 360]. С такой же фонетической трактовкой китайского слова мы сталкиваемся в др.-уйг. *bursay* «буддийская монашеская община» < ср.-кит. (14) *büt-say*, позднеср.-кит. *bür-say* (скр. *buddha saṅgha* [50]) [51, с. 17; 1, с. 126, 2, с. 369]. Иначе, в связи с согд. *pursnk* «буддийская монашеская община», см. [52, с. 414].

Само кит. *büt* является передачей скр. *Buddha* «Будда». Согласно предположению Дж. Клосопа [2, с. 297], китайское слово через согдийское посредство (см. [53, с. 556; 54, с. 231]) проникло в персидский в виде *but* «идол»¹⁰, откуда повторно было заимствовано тюркскими языками (др.-тюрк. *but* «идол» — документально с XIII в.). Формально, однако, нельзя исключить и китайское происхождение тюрк. *but* (к возможности передачи кит. *-t* через тюрк. *-t* см. № 9). В таком случае эту форму следует считать проникшей из китайского в тюркский¹¹ достаточно рано (не позднее рубежа VII—VIII вв.). Следовательно, кит. *büt* окажется дважды заимствованным в тюркском: до перехода *-t* > *-r* (ок. VII в. н. э.) и после этого перехода (ок. VIII — IX вв. н. э.).

11. **čär-ig* «войско». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определено — с VIII в. [1, с. 144; 2, с. 428—429], широко распространено в современных языках, включая чувашский — *šar(ä)* [30, с. 65; 4, с. 105]. Древность слова удостоверяется греко-българской надписью 813 г. — *сарах* «войско» (см. [58] с малоудовлетворительным возведением данной формы к *jadaq* «пеший»// **žaraq* тж. > **šaraq* «пехота»), наличием старых бўлгаризмов в венгерском — *sereg* «куча; толпа; множество» [39, с. 116] и в древнегрузинском — *sa-gar-i*, *sagr-i* «сила, мощь; войско» [19, с. 353] при этимологическом дублете в последнем — *žar-i* «войско, армия» от кыпч. *čäri* «куча; толпа; множество» [59], *č'äri* (с придыхательным анлаутом) «войско» [60], а также наличием старого тюркизма в монгольском — *čerig* «войско, армия» [25, с. 173].

Надежной этимологии слово не имеет. Г. Рамстедт [31, с. 48] сравнил основу тюркского слова с кор. *čhari-da* «готовить», что мало вероятно как фонетически, так и семантически [30, с. 70]. Л. Г. Герценберг [1, с. 144] др.-тюрк. *čäriḡ*, вслед за В. В. Радловым [61], С. Е. Маловым [62] и др., возводит к скр. *kṣatrika*. Следует, однако, отметить помимо фонетических трудностей (скр. *-tr-* = тюрк. *-r-*, скр. *-k-* = тюрк. *-g*, ср. [12, с. 455], где эта этимология также отвергается), тот факт, что в словарях санскрита (в частности, в [63] и др.) подобное древнеиндийское образование нами не обнаружено. Вряд ли проясняет ситуацию и предположение о согдийском посредстве (согд. **γšdrt'k* «царский» [64, с. 43]) [65] (иначе см. [66]), поскольку фонетические препятствия при принятии данной версии практически непреодолимы (согд. **γš-/*xš-* не может дать тюрк. *č-*, неясны при-

¹⁰ Таким образом, Дж. Клопп вступает в полемику с П. Хорном [55, с. 42], выводящим н.-перс. *but* из авест. *Būiti-* (имя собств. демона), Хр. Бартоломэ [56, с. 968], выводящим ср.- и н.-перс. *but* «Будда; идол» [57, с. 20] из авест. *Būta-* (имя собств. демона *Daēva*) и др.

¹¹ Хотя слово *büt* в значении «идол» засвидетельствовано в тюркском довольно поздно [3, с. 261—262; 2, с. 297; 21, с. 280], следует отметить наличие сакральной формулы *nato but* «почести Будде» [2, с. 297] в турфанских манихейских текстах предположительно VIII в. При признании раннего наличия в тюркском данной лексемы можно было бы проследить и направление заимствования: (скр. *Buddha*) > кит. *büt* > тюрк. *but* > перс. *but*, однако многие аспекты здесь все еще не вполне ясны.

чины выпадения -δ- и -t- в тюркской форме). А. фон Габэн [67] и М. Рясянен [4, с. 105] отмечают в телеутском наличие глагольной основы *čär-*, *čär-tä* «бороться, воевать», отражающей, очевидно, пратюрк. **čär-*, от которого **čär-ig* является регулярным производным. Учитывая возможность передачи кит. -n в ранних заимствованиях через тюрк. -r (см. № 4, 18), представляется возможным сопоставить тюрк. **čär* «воевать» со ср.-кит. (15) *čēn*, позднедр.-кит. *čjān* / совр. *zhān* «война; бой, сражение, битва, схватка; вести войну (бой, сражение), воевать, сражаться, биться» [17, с. 214]. Отметим, что сопоставление кит. (15) *čēn* — тюрк. **čär* : **čär-ig* вполне параллельно соотношению кит. (12) *pit* — тюрк. **bit(i)* : **bit(i)-g* (см. № 9), вплоть до факта малой распространенности в тюркском языковом ареале исходной производящей основы при большем распространении производной основы на -(i)g. Последнее обстоятельство, по-видимому, является дополнительным свидетельством в пользу обеих этимологий.

12. **čīn* «правильный; правда». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 148; 2, с. 424], широко распространено в современных языках [4, с. 108].

Возведение слова к ср.-кит. (16) *čīn* / совр. *zhēn* «соответствующий действительности, истинный, действительный, реальный; фактический; верный, точный, достоверный; настоящий, неподдельный, подлинный, натуральный; настоящий, правильный, безукоризненный, чистый, идеальный; правда, истина; истинность» [17, с. 659—660] является общепринятым [1, с. 148; 2, с. 424; 4, с. 108] и, по-видимому, бесспорным.

13. **čodīn* «чугун». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 151; 2, с. 403], широко распространено в современных языках [30, с. 124—125; 4, с. 113].

Этимология слова вызывает затруднение. Древнейшую письменную фиксацию оно имеет с XI в. в виде *čodīn* «чугун», араб. *al-qīṭr* [2, с. 403]. Непосредственно к этой форме восходят лев. *čojīn*, кум., кар. *čojun*, шор. *šojun*, тат. *čujīn* и др. [30, с. 124; 4, с. 113] — все со значением «чугун». Представляется поэтому, что значение «медь» в словаре М. Кашгарского неточно (подобные случаи в словаре не единичны), и, вопреки Дж. Клозону [2, с. 403], следует все же полагать исходным значение «чугун» или, по крайней мере, «литая медь».

В ряде современных тюркских языков встречаются также формы без элемента -īn: тел. *čoj*, куманд. *čöj* и др. [30, с. 124; 4, с. 113], которые, согласно Г. Дёрферу, являются итогом упрощения формы **čodīn* > **čojīn* в результате переосмысления -īn как посессивного суффикса 3-го л. ед. ч. (М. Рясянен же выводит их непосредственно из ср.-кит. *čū* «отливать (металл)», что мало вероятно, см. [4, с. 113]). Наконец, в некоторых языках мы встречаем рефлексы образования типа **čojgun* (ср. алт., тел. *čojγon* «железный сосуд; чайник», тел. *čöjgön* «чайник», тар. *čöjgün* «железная бадья», чув. *čigun* «чугун» и т. д. [30, с. 124; 4, с. 113]). Г. Дёрфер [30, с. 124—125] объясняет эти формы как контаминацию **čodīn* (> **čojīn*) + **čoyun* (обнаруживая рефлексы последней основы в балк. *soγun* «котел», уйг. *čoyun* «чайник»). Однако наличие в тюркском старой самостоятельной основы **čoyun* более чем сомнительно. Цитируемые Г. Дёрфером балкарские и уйгурские слова, скорее всего, представляют собой результат поздних междиалектных заимствований. Сколько-нибудь древней фиксации эта форма не имеет.

Таким образом, перед нами две основы: **čodīn* «чугун; литая медь» и **čojgun* «чугунный сосуд; чайник», первая из которых имеет раннюю письменную фиксацию (XI в.), а вторая является более поздней.

Учитывая возможность передачи кит. -η через тюрк. -n (см. № 2), мы считаем возможным выводить тюрк. *čodīn из ср.-кит. (17) čū-dun /совр. zhūtong «литая медь» [68, с. 1380]¹².

Заметим, что компонент *-dīn в *čodīn оказывается, таким образом, тождественным компоненту *-tun (//*-tīn) в *altun (см. № 2). Перс. čodan «чугун», не имеющее собственной иранской этимологии, следует считать проникшим в иранский из китайского языка через тюркское посредство.

Что касается формы *čojgun (//*čojγun), то целесообразнее, вслед за Г. Дёрфером [30, с. 126—127], отвергнуть ее происхождение из ср.-кит. (20) čū-kāg /совр. zhūgāng «литая сталь» [15, с. 23], предполагаемое М. Рясняном [69; 4, с. 113], — прежде всего из-за фонетических сложностей. Обращает на себя внимание частая встречаемость значения «чайник» в рефлексах этой основы, ср. также бар. cājgün «медный чайник», цитируемое Г. Дёрфером со ссылкой на словарь В. В. Радлова, объясняющим здесь -ā- первого слога вторичным влиянием основы čaj «чай» [30, с. 125]. Все это наводит на мысль о том, что исходным значением этой формы было значение «чайная посуда; чайник», а первоначальным фонетическим обликом — *čajgun. Впоследствии в результате контаминации основ *čajgun и *čojīn (<*čodīn) возникла и распространилась основа *čojgun с набором значений «чайник; металлический (чугунный) сосуд; чугун». Что касается этимологии тюрк. *čajgun, то его следует считать поздним (не ранее XIII в.) заимствованием из кит. (21) chá-yèguān «чайница» [17, с. 829].

14. *dāmīr (//*dāmūr > tāmīr//tāmūr) «железо». Представлено в древнетюркском с VIII в. (в рунических памятниках, но только в сочетании Tāmīr qarīγ «Железные ворота» — название горного перевала между Самаркандом и Балхом [1, с. 551; 2, с. 508—509]; относительно топонима см. [70, с. 76—77]), повсеместно распространено в современных языках, в качестве заимствования проникнув в монгольский, персидский и другие языки [3, с. 666—667; 4, с. 473; 71, с. 188—189].

Учитывая вероятность китайского происхождения некоторых других тюркских наименований металлов (см. № 2, 4, 13, 17), следует, вероятно, согласиться с Г. Рамstedтом [14, с. 19], производящим тюркскую форму из ср.-кит. (22) tiet-mūt, позднеср.-кит. thier-mūr «железная вещь»/совр. tiě «железо; черный металл; железный, железистый, металлический» [17, с. 238] и wù «вещь, предмет обихода (собственности); изделие, товар» [15, с. 468]. К этому ср. также [71, с. 189; 18, с. 37—38]¹³. Что касается передачи китайского глухого анлаутного согласного через тюркский звонкий (сохраняющийся, например, в огузских языках — азерб., гагауз., турецк., туркм. dā/emir) — ср. № 15, 16, 17, 18, передачи же кит. -t через тюрк. -r — ср. № 10, 14. Проблему, однако, представляет утрата в тюркском срединного -r-: ожидалась бы форма типа *dārmūr (*dārmīr). Возможно, здесь налицо результат ранней диссимилятивной элизии согласного (к этому ср. ниже тюрк. *katīr «мул» — согд. *xrtr- тж.). В целом можно

¹² Не исключена и другая версия: ср.-кит. (18) čū-diēg /совр. zhūdīng «разливка, литье, отливка слитков (болванок)» [15, с. 23], хоть она и менее удачна в семантическом плане. Но во всяком случае совершенно неприемлема этимология Г. Дёрфера [30, с. 127]: *čodīn < кит. (19) zhūjiàn «литье, отливка» [15, с. 23], — так как данное сложение в ср.-кит., по С. А. Старостину, читалось как čū-gén.

¹³ Нельзя, однако, не оговорить и более раннюю этимологию: возведение тюрк. *dāmīr к скр. tāmra- «медь» [72, с. 378]. Фонетические трудности здесь почти непреодолимы — неясны переднерядный тюркский вокализм и причины развития комплекса -mra- > -mīr. В связи с этим Р. Л. Тёрнер предполагает, что тюркское слово происходит из того же неизвестного источника, что и ср.-инд. cīmara- «медь» [73, с. 828].

утверждать, что китайская этимология тюркского названия железа вполне вероятна, но еще не может считаться окончательно доказанной.

15. **dǎŋ (> tǎŋ)* «одинаковый, равный; количество, мера». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., примерно с IX в. в руническом памятнике бассейна Енисея — Е 26₈, а также в словаре М. Кашгарского, с XI в. [1, с. 551; 2, с. 511], широко распространено в современных языках [3, с. 575; 4, с. 135, 473; 71, с. 191—192].

Начиная с А. фон Габэн [41, с. 340] (аналогично [3, с. 576; 4, с. 473] и др.), оно квалифицируется как заимствование из ср.-кит. (23) *tǎŋ* /совр. *děng* «ранг, степень, класс, сорт, группа, категория; равный, идентичный, тождественный» [15, с. 49]. Вряд ли оправдан скептицизм Дж. Клосона [2, с. 511], признающего китайский источник только для др.-тюрк. *tǎŋ* в тех контекстах, где оно значит «вид, разряд», поскольку весь набор значений тюркского слова представлен и у китайского прототипа. Следует, несомненно, отклонить тезис Г. Рамстедта [36, с. 391—392] и Н. Поппе [11, с. 71] об исконном родстве тюрк. *tǎŋ* и монг. *teng* «равновесие; ровно, равно» [25, с. 801]. Последнее, как и н.-перс. *tang* «половина вьюка на вьючном животном», несомненно, представляет собой заимствование из тюркского [3, с. 574—575]; ср. [71, с. 192—193]. К передаче ср.-кит. *t* через тюрк. **d-* ср. последующее слово (№ 16 вкуче с № 14), а также реконструкцию Дж. Клосоном формы **dǎŋ* на основании форм типа тув., туркм. *dāŋ* [2, с. 511].

16. **dōn (> ton)* «одежда; халат». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 574; 2, с. 512], широко распространено в современных языках [3, с. 645—646; 4, с. 488; 71, с. 262—263].

Большинство исследователей слово возводят к хотано-сак. *thauna* «ткань; шелк» [74, с. 149; 41, с. 372; 28, с. 432; 75; 76; 4, с. 488] и др. Однако Дж. Клосон [2, с. 512] справедливо замечает, что передача начального согласного *th*-(*θ*-) тюркским *d-* вызывает сомнение, а Г. Дёрфер [3, с. 647] указывает на то, что, кроме этого слова, сакских заимствований в тюркских языках не обнаружено. Поэтому представляется более целесообразным выведение тюркского слова из ср.-кит. (24) *twān* (др.-кит. **tōn*) /совр. *duān* «длинное платье, халат» [77, с. 65; 68, с. 1185]. К обоснованию этой этимологии см. [22, с. 331; 3, с. 647] и др.

17. **gümül' (> kümüş)* «серебро». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 326; 2, с. 723—724], широко распространено в современных языках, включая чувашский — *kamal* [4, с. 308; 2, с. 723].

В первой части тюркской основы Г. Рамстедт [31, с. 116] и А. Йоки [22, с. 210] усматривают ср.-кит. (25) *kim* /совр. *jīn* «золото; золотой, золотистый, желтый; металл; металлический» [7, с. 180], что представляется вполне правдоподобным (см. также [18, с. 25—26]). Однако выведение второй части из ср.-кит. (26) *liew* /совр. *liáo, liào* «чистое серебро» [17, с. 802], т. е. **gümül' < *güml'ü < kim-liew*, сопряжено с трудностями прежде всего фонетического порядка (не совсем ясна причина метатезы во втором слоге). Поэтому предположение о китайском происхождении тюркского названия серебра требует дополнительной аргументации.

18. **gür (> kür)* «смелый, отважный». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 328; 2, с. 735], достаточно широко распространено в современных языках, часто с вторичными значениями «густой; обильный» и др., отсутствующими в старых памятниках [30, с. 634; 4, с. 309—310; 71, с. 106].

Г. Дёрфер [30, с. 637], по-видимому, справедливо считает монг. *kür* в *kür jeke ulus* «огромное скопление людей» [25, с. 503], *gür* «толпа» (*gür*

ulus тж.) [25, с. 391] сравнительно поздним тюркизмом, а тунгусо-маньчжурские формы типа маньж. *goro* «далекий» — вообще не связанными с данной основой, вопреки Г. Рамstedту, М. Рясняну [36, с. 246; 4, с. 310] и др. Действительно, в памятниках XI—XIV вв. в тюркском налицо лишь значение «смелый, отважный». Учитывая, что кит. *-n* может передаваться через тюрк. *-r* (см. № 4, 11), мы считаем возможным сопоставить тюрк. **gür(kür)* со ср.-кит. (27) *kün* / совр. *jūn* «государь, владетельный князь, сюзерен, глава, правитель, владыка» [7, с. 436]. Ср. также нередкую встречаемость в древнетюркском сочетания *kür är* «сильный, отважный муж», которое может представлять собой частичную кальку ср.-кит. (28) *kün-cj'* / совр. *jūnzī* «совершенный человек, человек высших моральных качеств, благородный человек» [7, с. 436].

19. **inčü* «наследство, приданое». Представлено в древнеуйгурском памятнике XII—XIV вв. [1, с. 210] (*inčü* «наследственный»); [2, с. 173], а также в ряде современных северо-восточных и северо-западных языков [3, с. 220—221; 4, с. 44; 5, с. 361—362]. Древность слова, видимо сконтаминированного с основой **jinčü* «жемчуг» (см. № 23), удостоверяется наличием вероятного тюркизма в древнегрузинском — **unž-i* «имущество, имение; клад, сокровище» и пр. [19, с. 373, 428].

Тюркское слово проникло и в монгольский язык — *ingži*, *inži* «приданое» [25, с. 411—412]; см. еще [78] (хотя для монгольского нельзя исключить и самостоятельное заимствование этого слова из китайского языка [3, с. 223—224]). Следует заметить, что Дж. Клосон [2, с. 173] считает современные тюркские формы не восходящими к древнетюркскому, но вторично заимствованными из монгольского. Э. Хэниш [79] возводит ср.-монг. *inže* к ср.-кит. (29) *jīŋ-čá* / совр. *yīngzhě* стар. «сопровождающий невесту (в качестве части ее приданого, например, о служанке)» [17, с. 1038; 7, с. 591—592]. Аналогичное происхождение можно предположить и для тюрк. **inčü*. Отметим, что фонетическое развитие **inčü* < ср.-кит. *jīŋ-čá* (появление лабиального гласного во втором слоге) параллельно развитию **alaču* < ср.-кит. *lō-sá* (см. № 1) и, возможно, связано с какими-то фонетическими особенностями китайского диалекта, из которого черпались многие заимствования.

20. **jatan* «дурной, плохой». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 231; 2, с. 937], широко распространено в современных языках [4, с. 184].

Г. Рамstedт [34, с. 75] сравнивал тюркское слово с синокор. *jatan* «дикий, варварский». Эту этимологию, по-видимому, вполне можно принять, поскольку как тюркская, так и корейская формы, должно быть, были заимствованы независимо друг от друга из ср.-кит. (30) *já-tan* / совр. *yětān* «дикий, варварский, некультурный; дикость, варварство; бесчеловечный, зверский, варварский» [7, с. 1079]. Вопреки Хеннингу [80, с. 722] и др., согд. *ym'n* «недостаток, дефект» [52, с. 416] следует считать проникшим из китайского через тюркское посредство, но не родственным новоперсидскому *gimān* «подозрение; мнение» через иран. **vimāna-* [53, с. 133].

21. **jaŋ* «форма, образ; вид, образец». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 233; 2, с. 940], слабо распространено в современных языках (сохраняется в основном в северо-восточных, ср. алт. *jaŋ*, тув. *čaŋ* и др.) [4, с. 189; 2, с. 940].

Общепринятая этимология слова [4, с. 189; 2, с. 940] сомнений не вызывает — оно выводится из ср.-кит. (31) *jāŋ* / совр. *yàng* «образец, фасон, модель; вид, способ, манера, стиль» [15, с. 818].

22. *jaŋa* (n) «слон». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в. (в виде *jaŋa* [1, с. 233; 2, с. 904]), определенно — с XI (в виде *jaŋan* [1, с. 233; 2, с. 952]). Словарь М. Кашгарского фиксирует также огузо-кыпчакское произношение этого слова — *jaŋan* [1, с. 224; 2, с. 904]. Только этот вариант отражен в современных языках (в основном северо-восточных), ср. алт., тел. *jān*, тув. *čān* и др. [4, с. 177—178; 2, с. 904].

Тюркские слова проникли в согдийский — *уҗн'ус* ж. р. «слониха» (см. [81], где оно фигурирует без перевода, но с конечным *-h* в написании, свидетельствующем о заимствованной природе слова) и в монгольский — *žayān* «слон» [25, с. 1023]. Не исключено, что современные тюркские формы не восходят непосредственно к древнетюркскому, но являются вторично заимствованными из монгольского.

Учитывая начальный *ž-* монгольской формы, можно восстановить исходную пратюркскую форму в виде **žayā* (о развитии **ž- > j-* в ранний период истории тюркского языка см. [11, с. 27]). По нашему мнению, вполне оправдано сравнение этой формы со ср.-кит. (32) *zjāŋ* / совр. *xiàng* «слон» [15, с. 846]. Альтернативное сравнение с греч. *γίγας, γίγαντας* «гигант, великан, исполин» [4, с. 178] неприемлемо как с фонетической, так и с семантической точки зрения.

Таким образом, несмотря на сравнительно позднюю письменную фиксацию, фонетическая сторона — переход **ž- > j-* позволяет отнести это заимствование к довольно раннему времени.

23. *jīnčǔ* «жемчуг». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определенно — с VIII в. (в рунических памятниках, однако, только в сочетании *Jīnčǔ ögüz* «Жемчужная река» — название р. Сыр-Дарья, см. [70, с. 74—75], в словаре М. Кашгарского — в вариантах *jānčǔ* // *jīnčǔ*, *jūnčǔ*, *žānčǔ* // *žīnčǔ* [1, с. 256, 286, 642; 2, с. 944—945]), широко распространено в современных языках (кроме северо-восточных) [4, с. 203]. Древность слова удостоверяется наличием старого бұлгаризма в венгерском — *gyöngy* «жемчуг» [39, с. 80].

Начиная с Ф. Хирта [82, с. 80—82], слово единодушно возводится всеми исследователями к одному из двух китайских названий жемчуга: ср.-кит. (33) *cin-čǔ* / совр. *zhēnzhū* «жемчуг; жемчужный» [17, с. 661] или (34) *tin-čǔ* / совр. *zhēnzhū* «жемчуг; жемчужный», перен. «жемчужина, перл» [15, с. 371]¹⁴. Однако по поводу конкретного китайского прототипа исследователи расходятся. Так, Ф. Хирт [82, с. 82] и К. Менгес [84, с. 95] возводят тюркское слово ко второй из приведенных китайских форм, а С. Сирота [85, с. 107—108] и Дж. Клосон [2, с. 944], последний с некоторыми сомнениями по поводу идентичности начальных слогов (китайской и тюркской форм), — к первой. М. Ряснянен [4, с. 203] и С. Е. Яхонтов [1, с. 256] не уточняют своего выбора. Японский исследователь С. Сирота присоединяется к точке зрения Дж. Клосона и др. на том основании, что форма *cin-čǔ* была в позднем древнекитайском и среднекитайском языках более обычной и разговорной, чем *tin-čǔ*. В пользу выведения тюрк. *jīnčǔ* из ср.-кит. *cin-čǔ* можно, по-видимому, привести еще тот аргумент, что в китайском тексте Карабалгасунского памятника тюрк. *Jīnčǔ ögüz* переведено именно как (36) — ср.-кит. *cin-čǔ-yā* (к ис-

¹⁴ К. Ямамото [83] источником, в частности, маньчж. *jēnjuu* «жемчуг» допускает обе китайские формы, вне зависимости от того, что в иероглифической записи маньчжурское слово передается именно через (35) = (33).

тории отождествления тюркского и китайского названий см. [70, с. 74—75; 86])¹⁵.

Кит. *cin-cū* было, вероятно, в довольно ранний (пратюркский) период заимствовано в тюркском в виде **žinčū* (начальный *ž-* здесь, видимо, результат диссимилиации по глухости/звонкости)¹⁶. Эта архаичная форма, должно быть, отражена в огузо-кыпчакской форме XI в. — *žinčū i* (по М. Кашгарскому), в монг. *žinčū* «бусы» [25, с. 1058], в венг. *gyöngy*, а также в русск. *жемчуг* (др.-русс. — XII в.: *жьньчугъ*)¹⁷.

Впоследствии, уже на тюркской почве, произошло закономерное развитие **žinčū* > **jinčū* (ср. № 22 — аналогичный процесс развития в названии слона: ср.-кит. **zjáŋ* > пратюрк. **žaŋa* > др.-тюрк. *jaŋa*).

24. **ka* «семья; родственники». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., примерно с IX в. в рунических памятниках бассейна Енисея — Е 42₂ и др., а также в словаре М. Кашгарского, с XI в. (в составе слов *qadaš* «родич, родственники, родной, родные» и *qa qadaš//qayadaš* «родственники (по крови), родственник, родич» [1, с. 399; 2, с. 578, 607]), слабо распространено в современных языках [30, с. 566; 4, с. 214; 2, с. 607].

Тюркское слово восходит, очевидно, к ср.-кит. (37) *ka* / совр. *jiā* «семья, семейство, род; родня, родственники» [15, с. 840]. Эту этимологию предлагает Г. Рамстедт [31, с. 81] (по своему обыкновению выводящий тюркскую форму не непосредственно из китайского, а из синокорейского — с чем нельзя согласиться), ее отстаивают А. фон Габэн [92], Дж. Клосон [2, с. 607] и др.

25. **kalīŋ* (**kalīm*) «калим, выкуп за невесту». Представлено в древнетюркском с IX в. [1, с. 412; 2, с. 622], широко распространено в современных языках [30, с. 399; 4, с. 226].

Судя по современным формам (тат., якут. *qalīm*, чув. *χulām* и др.), вариант с конечным *-m* должен быть довольно древним, независимо от

¹⁵ Ср.-кит. *cin-cū* означает, собственно, «истинный жемчуг», т. е. ср.-кит. *cin-cū-yā* является точным переводным соответствием др.-иран. **jaxšarta*, **jaxša-arta* «истинный жемчуг», отраженного в античных источниках как название р. Сыр-Дарья — Ὠξάρτης (иначе см. [87, с. 940]).

¹⁶ К. Менгес, возводящий тюркскую форму к ср.-кит. *tin-cū* (по Б. Карлгрену — *t'žēn-tš'ju*), был вынужден выдвинуть тезис о тюрк. *j-* как об «итоге дистактной диссимилиации палатально-альвеолярных начальных согласных обоих слогов ... в тюркском языке» [84, с. 96]. Необходимость в подобном сложном объяснении, по-видимому, отпадает, если в качестве китайского источника признать ср.-кит. *cin-cū*.

¹⁷ Об этимологии русск. *жемчуг* см. [88, с. 46; 84, с. 94—97; 89; 85, с. 107—111] и др. Наиболее сложен здесь вопрос о происхождении конечного *-g* в русской форме, отсутствующего в тюркском (существующие объяснения наличия этого *-g* либо как отражение тюркской формы дательного падежа, либо как суффиксация на русской почве, малоудовлетворительны). К. Менгес считает, что это окончание появилось по аналогии с другими заимствованиями в русском, имевшими этимологически оправданное конечное *-gъ* (*улюгъ, терпугъ*). С. Сирота указывает, что в древнекитайской реконструкции А. Тодо [68, с. 894, 837] слово *жемчуг* до VI и VII вв. н. э. должно было звучать как **tien-tiug*, т. е. с конечным *-g*. Он предполагает, что именно эта форма через посредство какого-то алтайского языка и проникла в русский, а орхон-енисейское *jīnčū* // *jānčū* было заимствовано независимо из китайского позднее, уже после утраты в китайском конечного *-g*. Однако кроме малой вероятности отражения формы типа **tien-tiug* в русск. *жемчуг* следует отметить, что далеко не все исследователи восстанавливают в древнекитайском конечный *-g* (см., например, [90, 91] и др.). Скорее всего, в др.-русс. *жьньчугъ* (а также в цитируемых К. Менгесом формах — серб. *žūžuga*, маньчж. *ničike*, чжурчж. *ničubei*, *jīn-šu-k'o* < **jīnčike*) мы имеем дело с отражениями тюркской формы типа **žinčū-k* > **jinčū-k* с суффиксальным *-k* (ср. аналогичные пары типа рассмотренного выше **alaču* — **alaču-k* «шатер; лачуга» и т. п.), существовавшей в раннем тюркском, но не зафиксированной в письменных памятниках.

того, что он не зарегистрирован в письменных памятниках. Представляется весьма вероятным происхождение тюрк. **kalim* из ср.-кит. (38) *kà-lem* / совр. *jià-lián* «приданое» [15, с. 843; 1, с. 675], досл. «ящик с приданым». При этом причина появления в древнетюркском варианта с конечным -ŋ остается не вполне ясной и требует специального обоснования.

26. **kög* (// **küğ*) «мелодия, песня». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 311—312; 2, с. 709], широко распространено в современных языках, включая чувашский — *kəvə* [4, с. 307]. Тюркское слово проникло в монгольский — *kög* «мелодия, музыка» [25, с. 478], откуда вновь попало в ряд современных тюркских языков в виде *kög* со значением «гармония, веселье, радость» и т. п. [4, с. 286].

Предположение Г. Рамстедта [36, с. 236] и М. Рясненa [4, с. 307] об исконном родстве тюрк. **kög*(// **küğ*) и монг. *kög*, конечно, неприемлемо — тюркская форма, несомненно, представляет собой заимствование из ср.-кит. (39) *khöuk* / совр. *qǔ* «песня, песенка; ария, музыка (к песне)» [7, с. 665; 2, с. 709].

27. **lu* «дракон». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 334; 2, с. 763], сохранено в ряде современных языков — алт., тув. *ulu*, с.-юг. *lu*, *ulu* и т. д. [4, с. 318; 5, с. 591; 12, с. 15—16]. Вопреки Ф. Лессингу [25, с. 517], монг. *луу* «дракон», очевидно, имеет тюркский источник [36, с. 253].

Обычно принято считать, что тюркское слово восходит к ср.-кит. (40) *eōih* / совр. *eōng* «дракон» [17, с. 363; 1, с. 334; 41, с. 58, 346; 4, с. 318; 2, с. 763]; ср. [5, с. 591; 12, с. 17; 93]. Но ввиду некоторых нестандартных фонетических особенностей — прежде всего ввиду отсутствия конечного -ŋ, возможно, следует предпочесть точку зрения, в частности, С. Е. Малова [94] и др. о происхождении данного слова из тибетоязычного источника, но скорее не непосредственно из тиб. *klu* «дракон», миф. «змея-демон», скр. *nāga* [95], а из диалектных форм типа мосо *lwö*, *lō* (см. [96, с. 35—36]) и т. п. При этом не исключается полностью предположение С. Е. Яхонтова, допускающего в качестве прототипа общетюрк. **lū* некую древнекитайскую диалектную форму без настоящего, проблемного -ŋ в ауслауте [97, с. 191].

28. **sīn* «тело, телосложение». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 503; 2, с. 832], широко распространено в современных языках вкупе с более поздними абстрактными значениями «внешность; свойство; наблюдение; испытание» и др. [30, с. 314; 4, с. 417]. Тезис Г. Дёрфера [30, с. 314] об исходности в тюркском значения «свойство» явно неприемлем. Согласное свидетельство древних текстов позволяет, вслед за Дж. Клосоном [2, с. 832], однозначно установить линию развития значения: «тело» → «телосложение» → «свойство». Г. Дёрфер, кроме того, объединяет с этим корнем и тюрк. **sīn* «могила» (о нем см. [2, с. 832]), что неоправданно.

Тюркское слово **sīn* «тело» следует, по нашему мнению, считать заимствованием из ср.-кит. (41) *sin* / совр. *shēn* «тело (человека, животного); телесная оболочка, плоть; туловище, торс, корпус, фигура» [15, с. 351].

29. **sī* «краска, лак». Представлено в древнетюркском с XI в. (*sīr* «краска, которой китайцы разрисовывают чаши, глазурь» [1, с. 505; 2, с. 842—843]), широко распространено в современных языках со значением «лак, глазурь, киноварь» и др. [30, с. 239; 4, с. 418; 2, с. 843].

Все исследователи единодушно возводят слово к ср.-кит. (42) *chjit* / совр. *qī* «лак» [15, с. 822; 30, с. 239; 4, с. 418; 2, с. 843] и др. Г. Рамстедт

[36, с. 359] в качестве тюркизма в монгольском приводит еще монг. *sir* «лак» [25, с. 714]. Что касается передачи кит. -*t* через тюрк. -*r* см. № 10, 14, однако предположительная диалектная форма, из которой, вероятно, заимствовано тюрк. **sir*, по С. А. Старостину, должна была бы звучать как **chjir*.

30. **tajšī* «старший наставник; знатный человек». Представлено в древнеуйгурских текстах различного содержания предположительно с VIII в., определено — с XIII [1, с. 528; 2, с. 570], видимо, сохранено в тувинском — *tajži*, *taži* «дворянин, царевич» [4, с. 456].

По С. Е. Яхонтову [1, с. 528], слово является заимствованием из ср.-кит. (43) *dā-j-ši* / совр. *dāshī* «глава, родоначальник (школы или направления в науке), корифей, учитель, наставник» [15, с. 624]¹⁸.

31. **tābsi* «блюдо, тарелка; небольшой, низкий стол». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 557; 2, с. 245], широко распространено в современных языках, в качестве заимствования проникнув в монгольский, персидский и другие языки [4, с. 468; 13, с. 249—251].

Вслед за Г. Рамstedтом [31, с. 29, 263] тюркскую форму следует возводить к китайскому источнику, однако не через синокорейское посредство, но непосредственно к ср.-кит. (46) *diep-cjt'* / совр. *dié'zī* «тарелка (мелкая)» [15, с. 706; 13, с. 250—251; 4, с. 468; 2, с. 245].

32. **tojīn* (<**toñin*) «(буддийский) монах». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в. (в древнеуйгурских текстах в качестве эквивалента скр. *bhikṣu* «нищий; странствующий монах»), определено — с XI [1, с. 572; 2, с. 568], сохранено в якутском — *tojon* «господин, хозяин, начальник» и т. п. [4, с. 648—649; 4, с. 484]¹⁹.

Др.-уйг. *tojīn* «буддийский монах» единодушно возводится всеми исследователями к ср.-кит. (47) *dāu-nin* / совр. *dào-rén* «святой, бессмертный; отшельник; маг», будд. «монах» [17, с. 97; 31, с. 27; 41, с. 343; 3, с. 648; 4, с. 484; 2, с. 569] и др. Древнеуйгурская форма, по-видимому, является формой «j-диалекта», отражающей общетюрк. **toñin* (о противопоставлении «j-диалекта» и «n-диалекта» см. [41, с. 3—8]), непосредственно восходящее к ср.-кит. *dāu-nin*. Внешнее сходство др.-уйг. *tojīn* и кор. (48) *toin*, таким образом, является случайным и, вопреки Г. Рамstedту [31, с. 27], не свидетельствует в пользу заимствования тюркского слова через корейское посредство.

33. **tūg* «знамя». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 584

¹⁸ В. Банг и А. фон Габэн [51, с. 42] транскрибируют древнетюркское слово как; *tajsi* и выводят его из ср.-кит. (44) *iā-j-cjt'* / совр. *tàizi* «наследник престола, наследный принц» [15, с. 645]. Однако Дж. Клосон [2, с. 570] справедливо оспаривает как прочтение *tajsi*, так и истолкование соответствующего тюркского слова. Следует обратить внимание еще на монг. *taiži* «монгольский дворянин, представитель знати» [25, с. 769], которое М. Ряснян [4, с. 456] сопоставляет с рассматриваемым тюркским словом. Не исключено, что приведенная нами тувинская форма (*tajži* «дворянин, царевич») на самом деле заимствована из монгольского. Однако сама монгольская форма, вероятно, имеет другой китайский источник — ср. кит. (45) *dā-j-šī* / совр. *tàishì* «великий (достойный) человек, крупный чиновник, государственный деятель» [15, с. 618].

¹⁹ Дж. Клосон считает, что якут. *tojon* представляет собой вторичное заимствование из монгольского [2, с. 569]. Для такого предположения, однако, как будто бы нет оснований — как Г. Дёрфер [3, с. 648], так и М. Ряснян [4, с. 484] считают якутское слово естественным продолжением древнетюркского. Что касается монг. *toin* «священнослужитель, монах, лама» [25, с. 820], то его Г. Дёрфер признает тюркизмом в монгольском [3, с. 649—650].

2, с. 464], широко распространено в современных языках [3, с. 619; 4, с. 496].

Тюркское слово, по общепринятому мнению, восходит к ср.-кит. (49) *dok* (др.-кит. **dūk*) / совр. *dào, dú* «штандарт, стяг, знамя; бунчук (из перьев или бычьих хвостов)» [17, с. 828; 98, с. 565; 4, с. 496; 2, с. 464] и др. Оно засвидетельствовано в китайском уже по крайней мере с середины первого тыс. до н. э. [77, с. 266; 99], поэтому предположение Г. Дёрфера [3, с. 622] о возможности, напротив, заимствования в китайском из тюркского, представляется крайне неправдоподобным. Г. Дёрфер выдвигает данное предположение в связи с тем, что ему представляется непонятной передача кит. *-k* через тюрк. *-g*. Это, однако, весьма обычное явление в китаизмах в тюркском (см. № 6, 26, 34: **bäg, *kög, *ug*, ср. также др.-тюрк. **ġig* «мера длины» < ср. кит. (50) *čhek* / совр. *chǐ* «чи, китайский фут (единица длины, равная 0,32 метра)» [15, с. 609] и т. п.²⁰).

34. **ug* «дугообразно согнутые палки, подпирающие крышу юрты». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 607; 2, с. 76], слабо распространено в современных языках [3, с. 150—151; 4, с. 510].

Тюркское слово, по всей вероятности, восходит к ср.-кит. (51) **uk* / совр. *wū* «комната, помещение; дом, здание, жилище; крыша (дома); верх (экипажа); покров, балдахин; покрывка» [7, с. 137].

Как отмечалось выше, в древнетюркском (особенно в древнеуйгурских текстах) имеется еще большое количество китаизмов²¹, не сохранившихся в современных языках и, соответственно, не рассматриваемых нами в данном разделе. Хотелось бы специально остановиться лишь на одной важной группе китаизмов, а именно, на титулах и словах, обозначающих должностных лиц. Из общетюркской заимствованной лексики к этой группе слов относятся разобранные выше № 5, 6, 30, 32: **bakši, *bäg, *tajši, *toñin*. Поскольку эти слова дают особенно яркое представление о степени влияния на общественно-государственный строй древних тюрков китайской административной системы, целесообразно перечислить здесь и прочую титулатуру китайского происхождения:

35. *čigši* [1, с. 145; 2, с. 417] < ср.-кит. (52) *čjek-šǐ'* / совр. *cǐ'shǐ* «ревизор (по округам, дин. Хань); начальник округа (по дин. Цин)» [7, с. 1021];

36. *oŋ* [1, с. 367; 3, с. 164—165] < ср.-кит. (53) *waŋ* / совр. *wáng* «ван, князь; царь, король, император, государь, монарх; великий князь, принц; ван, князь (титул высшей знати)» [7, с. 155];

37. *qunčuj* «принцесса, младшая родственница ханской крови; женщина знатного происхождения» [1, с. 466; 2, с. 635; 30, с. 561] < ср.-кит. (54) *kuŋ-čǔ* / совр. *gōng'zhǔ* «дочь императора, принцесса, царевна, принцесса крови, великая княжна; дочь владетельной особы, княжна, царевна (о замужних или помолвленных)» [17, с. 956];

38. *saŋun/sāŋün* [1, с. 485, 496; 2, с. 840] < ср.-кит. (55) *čjaŋ-kün* / совр. *jiāngjūn, jiāng'jūn* «генерал, полководец, командующий», ист. «воевода, командир провинциального (при дин. Цин — знаменного) гарнизона» [15, с. 63—64];

²⁰ Основа **ġig* представлена в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 145, 147; 2, с. 404]. Древность слова удостоверяется наличием старого тюркизма в древнегрузинском — *m-ziŋ-i* «кулак» [19, с. 316] (иначе см. [100])

²¹ Часть древнеуйгурской лексики китайского происхождения представлена в статье [42, с. 73—121] (рецензия — [97, с. 189—195]). Подробнее о фигурирующих в научной литературе китаизмах см. [101] (данный труд стал нам доступен после завершения настоящей работы).

		29 膝者	44 太子
1 廬舍	15 戰	30 野蠻	45 大士
2 金同	16 眞	31 樣	46 磔子
3 赤銅	17 鑄銅	32 象	47 道人
4 邑	18 鑄鉞	33 眞珠	48 道人
5 白銀	19 鑄件	34 鈐珠	49 囊
6 博士	20 鑄鋼	35 眞珠	50 尺
7 伯	21 茶葉罐	36 眞珠河	51 屋
8 辟	22 鐵物	37 冢	52 刺史
9 萬古	23 筭	38 嫁奩	53 王
10 牝	24 襦	39 曲	54 公主
11 牝馬	25 金	40 龍	55 將軍
12 筆	26 鐙	41 身	56 都統
13 佛	27 君	42 漆	57 者督
14 佛僧	28 君子	43 人師	58 撐竿

39. *tutu* [1, с. 593; 41, с. 345] < ср.-кит. (56) *to-thon* / совр. *dūtong* ист. «дутун (военный) губернатор, командующий войсками» [7, с. 779];

40. *tutuq/totoq* [1, с. 593; 2, с. 453] < ср.-кит. (57) *to-tok* / совр. *dū'dū, dū'dū* ист. «дуду (командующий войсками, главный военачальник; командир, например, охраны)» [7, с. 778] ²².

²² Реабилитация представлений о производном характере титула *tutuq* от глагола *tut-* «держать; брать, хватать», предпринятая Д. Синором [102], по-видимому, мало-перспективна не только в силу большей древности китайской формы — II в. н. э. [103], но и в свете иноязычного происхождения древнетюркской титулатуры вообще.

В качестве китаизмов квалифицируются также титулы *qaγan, qan, tarγan, tūgin* и др., которые будут рассмотрены нами в отдельной работе.

В заключение можно сказать, что, судя по фонетическим критериям, большинство китаизмов проникло в древнетюркский с VII по X в., т. е. из среднекитайского. Ряд китаизмов в тюркском, однако, можно отнести к еще более раннему времени (см. № 1, 2, 4, 9, 11, 13, 17, 18: **alaču*, **altun*, **bakır*, **bit-i*-, **čär-ig*, **čodın*, **gümül'*, **gür*); в основном это те слова, в которых китайский конечный -*ŋ* передается через -*n*, кит. -*n* — через -*r*, а кит. -*t* — через -*t* (в более поздних заимствованиях встречается, как правило, соответствие -*ŋ* > -*ŋ*, -*n* > -*n*, -*t* > -*r*). В любом случае, однако, нет оснований датировать какие-либо из заимствований ранее III—IV вв. н. э.²³ Вместе с тем следует заметить, что число китаизмов в общетюркской лексике довольно многочисленно и свидетельствует в целом о значительном влиянии китайской цивилизации на древнетюркскую.

II. Иранизмы

1. **akur* «конюшня, стойло». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 49; 2, с. 89], распространено в ряде современных языков [4, с. 10; 2, с. 89].

Займствовано из н.-перс. *āxur* «хлев, конюшня» [55, с. 4; 4, с. 10; 2, с. 89], ср. ср.-перс. *āxVar(r)* тж. [57, с. 14; 104, с. 39], согд. **ʿuxwyr* «кормушка» [105, с. 179], видимо, от иран. **āxVar-*, субстантивированной презентной глагольной основы [106, с. 58], при авест. *xVar-* «принимать пищу, есть» [107], парф. *āxVar-* «есть, поедать, питаться» [108, с. 20].

2. **aḫšam* «вечер». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 71; 2, с. 96], широко распространено в современных языках [4, с. 13; 5, с. 207].

Наиболее вероятно происхождение слова из согд. **xš'm* «вечер» — *xš'm* тж. [109, с. 48], **γš'm* «ужин» [110], ср. авест. *xšāfnyā-* «ночь; вечернее время» [56, с. 550, 553], ср.-перс. *šām* «вечер, ужин» [57, с. 79], парф. *šām* «вечер, сумерки» [108, с. 84], н.-перс. *šām* «вечернее время; ужин» [55, с. 169—170].

3. **āsān* «здоровый, благополучный». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — ок. IX [1, с. 183; 2, с. 248], распространено в большинстве современных языков [3, с. 58; 4, с. 50; 5, с. 308], в качестве заимствования проникнув и в монгольский — *esen* «здоровый, в добром здравии; мирный, спокойный» [25, с. 333].

Займствовано из ср.-перс. *āsān* «мирный, спокойный» [57, с. 12; 111; 4, с. 50; 5, с. 308]; см. еще [112, 113]. В древнеуйгурском письменном памятнике XIII в. засвидетельствован также заднерядный вариант — *asan* «легкий (для исполнения)» [1, с. 59]²⁴, по всей видимости представляющий собой более позднее заимствование того же персидского слова —

²³ В тюркских китаизмах, несомненно, не отражены фонетические особенности, характерные для древнекитайского, в отличие от раннего среднекитайского языка (например, наличие *r*- на месте ср.-кит. *l*-, наличие латеральных согласных на месте ряда среднекитайских переднеязычных, наличие сочетаний типа *kr-*, *pr-* и т. п.). Что касается ранних фонетических процессов, происходящих в самих тюркских языках, китайские заимствования помогают, видимо, датировать переход **ʃ* > *j*- с III—IV по VII в. н. э. (см. № 22, 23: **jaŋa(n)*, **jincü*). Если верно отождествление тюрк. **gümül'* со ср.-кит. *kim-lieu*, то и переход **l'* > *ʃ* можно отнести примерно к тому же времени. Однако такие характерные для тюркского процессы, как переходы **d*-(*)*ḍ*- > (**ʃ*)- > *j*-, **p*- > **h*- > *ø*-, очевидно, следует отнести к более раннему времени, поскольку кит. *d*- обычно передается в тюркском как *t*-, а кит. *p*- как *b*-, см. № 6, 9, 30, 31, 32, 33: **bäg* (ср. еще **āb*, **täbsi*), **biti*-(*g*), **tajšv*, **täbsi*, **tojın*, **tüg* (ср. еще **altun*).

²⁴ Дж. Клосон [2, с. 248] считает написание *asan* «абберрацией», что сомнительно.

āsān «легкий (для исполнения), удобный» [104, с. 31] — исходя из сравнения значений.

4. **bagiš* (*baγiš*) «подарок». Представлено в древнетюркском с XI в. (в виде производной формы *baγiš-la-* «дарить» [1, с. 78; 2, с. 321]), сохранено в ряде современных языков [4, с. 56; 2, с. 321].

Заимствовано, по-видимому, либо из согд. **βxš* «дар; доля» (субстантивированной презентной глагольной основы), либо из ср.-перс. **baxš* тж. (по [114—116], — «доля»), ср. авест. *baxš-* «дарить, наделять» [56, с. 923], ср.-перс. *baxš-* «дарить, распределять» [57, с. 17], парф. *baxš-* «распределять, наделять, дарить» [108, с. 29], согд. *βxš-*, *βγš-* «дарить, наделять» [52, с. 396], н.-перс. *baxsīdan* «дарить» [55, с. 43], татск. *baxš* «доля» [117].

5. **bāg* «сад, виноградник». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 77; 2, с. 311], широко распространено в современных языках [4, с. 55; 2, с. 311].

По М. Ряснену [4, с. 55], заимствовано из н.-перс. *bāγ* «сад» [55, с. 39], по Дж. Клосону [2, с. 311], — из ср.-перс. *bāγ* [57, с. 16], по Л. Г. Герценбергу [1, с. 77], — из согд. *β'γ*, *b'γ* тж. [53, с. 485, 536], видимо, в конечном итоге восходящих к иран. **bāga-* «часть, доля», ср. авест. *bāga-*, др.-инд. *bhāga-* [106, с. 9; 118].

6. **bāj* «богатый». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 79; 2, с. 384], широко распространено в современных языках [4, с. 56; 21, с. 27—28]. В качестве тюркизма слово проникло в монгольский (с суффиксальным оформлением — *baja-n*), новоперсидский и другие языки [3, с. 259—260]. Видимо, имя аварского вождя VI в. — *Bayan* [119] указывает на довольно раннее заимствование слова.

Среднеперсидскую форму, отражающую общеиран. **baga-* «господин (эпитет бога); бог» (др.-перс. *baga-*, авест. *baγa-* [56, с. 921], парф. *baγ* [108, с. 27], согд. *βγ* [120, с. 196] и др.), обычно приводят как *baγ* [121, с. 109—110] или как *baγ*, *bay* [122]. Однако Д. Маккензи [57, с. 17] отмечает только ср.-перс. *bay* (маних. ср.-перс. *by*) «бог; господин»²⁵. Представляется вполне вероятным заимствование тюрк. **bāj* именно из среднеперсидской формы²⁶. Семантическое развитие «бог» → «богатый» / «богатство» — довольно обычное явление (в связи с этим интересно отметить наличие диалектной формы XI в. *bajat* «бог», а также «господин» [1, с. 79; 2, с. 385; 3, с. 379; 4, с. 56]). О сакральном значении слова см. [124].

7. **bōrč* «долг». Согласно [21, с. 196], представлено в древнетюркском не позднее XII—XIII вв. (однако в [1] и [2] отсутствует), широко распространено в современных языках [4, с. 80; 21, с. 196].

Заимствовано, по-видимому, из согд. *purc* «долг, заем, ссуда» [53, с. 503, 547; 125, с. 223; 126; 127].

8. **bōri* «волк». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 118; 2, с. 356], широко распространено в современных языках [3, с. 333; 4, с. 84; 21, с. 219—220].

Этимология слова весьма проблематична, хотя наиболее популярна

²⁵ Развитие *bay* < *baga-* в среднеперсидском вполне закономерно, ср. *Ray* при др.-перс. *Raga-*, авест. *Raγa-* и т. п. [123, с. 260].

²⁶ Долгота в тюрк. **bāj* требует особого объяснения. Не исключено, что в среднеперсидском существовал и вариант **bāy* (< **bāga-*, ср. др.-перс. *bāga-yāday* «богопочитание» [56, с. 952—953; 121, с. 110], где явно выделяется слово *bāga-* с гласным вступении *yrdhhi*).

гипотеза о его иранском происхождении. Так, еще Ф. Е. Корш [128] обратил внимание на сходство тюркской формы с осет. *bīræx* // *beræx* «волк», которую он выводил из предположительной иранской формы **bairaka*- «страшный», но для тюркского слова допускал источник типа **bīruka*- (др.-инд. *bhīruka*- [26, с. 269]). Надо заметить, что приведенные формы следует отделять от иран. **vrka*- «волк» (представленного в авест. *vahrka*- [56, с. 1418], др.-перс. **Vrkāna*- «Хиркания», или «волчья страна», скиф. *varka*, осет. *Wæræg* «имя героя — родоначальника нартов» [87, с. 495—496, 930; 129, с. 308], ср.- и н.-перс. *gurg* [57, с. 38], согд. *wyrk*-, хорезм. *ūrīk* [130] и др.), никак не связанного с осет. *bīræx* // *beræx*, вопреки М. Фасмеру [131, с. 168], А. М. Щербаку [132, с. 131—132] и др. Г. Дёрфер [3, с. 334] рассматриваемую версию этимологии слова ставит под сомнение ввиду фонетических сложностей, но считает возможной при условии отсутствия в иранском прототипе конечного *-k* (*-g*). К этому можно добавить, что внутри иранских языков, по предположению В. И. Абаева [133, с. 263] и А. Йоки [134, с. 343], к осет. *bīræx* // *beræx* примыкает только хотанско-сак. *birgga*- [*birya*], однако в последнее время для самой осетинской формы предполагается тюркское происхождение в результате табуирования исконно индоевропейской лексемы [87, с. 496].

9. **duman* (>*tuman*) «туман, мгла». Представлено в древнетюркском ок. IX в. [1, с. 585; 2, с. 507], широко распространено в современных языках [3, с. 567; 4, с. 498; 71, с. 295].

Слово представляет собой вероятный старый иранизм (ср. авест. *dumtan*- «туман, мгла; облако, туча» [56, с. 749]), который проник в тюркский, видимо, через согдийское посредство (ср. [135, с. 119; 3, с. 568]). Однако существуют и собственно тюркские этимологии: произведение слова от *tu*- «покрывать» [35, с. 127], от *tum* (**dum*) «холод; холодный» [4, с. 498], от *tum(a)*- «обволакиваться, закутываться» [3, с. 568]. Поэтому в пользу иранского происхождения тюрк. **duman* требуются дополнительные аргументации.

10. **čātīr* «шатер». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определенно — с XI в. [1, с. 142; 2, с. 403], широко распространено в современных языках [30, с. 16—17; 4, с. 101]. Древность слова удостоверяется наличием старого бугларизма в венгерском — *šator* тж. [39, с. 115].

Обычно слово выводят из н.-перс. *čādir*, *čādar*, *čādur* «шатер; чадра» [136; 35, с. 2; 133, с. 292] и др., по сравнению с которым, видимо, более авторитетно ср.-перс. *čādur* «покрывало; чадра» [57, с. 21]. Эта этимология, однако, связана с некоторыми трудностями (наличие перс. *-d*- при тюрк. *-t*- и не вполне определенное происхождение самой персидской формы, несмотря на внушительное представительство индоиранских данных: скр. *chad*- «давать тень; покрывать», *chattra*- «зонт» — перс. *čādir*, *čādar* «чадра; шатер», *čatr* «зонт» [133, с. 292]). Поэтому Ю. Немет [137] решительно ее оспаривает и, вслед за А. Вамбери [138], выдвигает тезис о производности тюрк. *čātīr* от *čat*- «складывать, прикладывать». Г. Дёрфер [30, с. 21] справедливо указывает на то, что *čātīr* не может быть производным от *čat*- (ввиду различия гласных по количеству), и склоняется к тому, чтобы все же признать тюркское слово заимствованием из иранского, но через некий неизвестный язык-посредник.

11. **čäkük* (// **čäkük*) «молоток, молот». Представлено в древнетюркском с XI в. (в виде *čäkük* [1, с. 143; 2, с. 415]), широко распространено в современных языках (однозначно указывающих на исходную форму **čäkük* [30, с. 87; 4, с. 103]).

Займствовано из ср.-перс. *čakuš* «молоток, молот» [57, с. 21; 30, с. 87; 134, с. 318], ср. авест. *čakuš-* «молот для метания, (боевой) топор для метания» [56, с. 575; 139], н.-перс. *čakuš* «молот, молоток» [55, с. 99]. По поводу этимологии иранской основы см. также [133, с. 298—299; 140; 141; 74, с. 97].

12. **čīt* «легкая хлопчатобумажная ткань с набивным рисунком, ситец». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 146; 2, с. 402], распространено в большинстве современных языков [30, с. 129; 4, с. 112].

Займствовано из н.-перс. *čīt* «коттон, ситец» [3, с. 129; 4, с. 112] (конечный источник — скр. *citā-* «пестрый» [73, с. 261; 30, с. 129; 2, с. 402]).

13. **čigrī* (/čikīr) «колесо, колодезный ворот» и т. п. Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 148; 2, с. 410], широко распространено в современных языках (часто с суффиксальным *-k*) [30, с. 72; 4, с. 108].

Займствовано, по-видимому, из согд. *cxr(w)* «колесо» [109, с. 79], *cxr* «круг, обод, обруч, колесо» [142, с. 251; 143], ср. авест. *čaxra-*, др.-инд. *cakrā-* «колесо» (в «Ригведе» также о «солнечном колесе» и «колесе года»), парф. *cxr* и др. [87, с. 718; 53, с. 562]. Во многих современных тюркских языках фигурирует более поздняя форма *čarx*, заимствованная уже непосредственно из н.-перс. *čarx* «колесо» [55, с. 97—98; 4, с. 100]. Вопреки Г. Дёрферу [30, с. 72—73] и Дж. Клосону [2, с. 410], вряд ли есть основания сомневаться в иранском происхождении основы **čigrī*.

14. **čögān* «клюшка, ракетка». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 154; 2, с. 416], слабо сохранено в современных языках [4, с. 117; 2, с. 416].

Займствовано из н.-перс. *čögān*, *čaugān* «клюшка, ракетка» [55, с. 110; 57, с. 22; 4, с. 117; 2, с. 416].

15. **jāt(a)* «колдовство; вызывание дождя, камень для вызывания дождя». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 247; 2, с. 883], распространено в ряде современных языков [4, с. 177], где встречаем также форму *jada* со значением «шаманский камень» [144]²⁷. Известно в качестве раннего заимствования в монгольском — *žada* «заговор для вызывания дождя, камень для вызывания дождя» [25, с. 1021, 1215].

Н. Поппе [145] выводит рассматриваемое слово из н.-перс. *jādū* «колдовство; волшебник» [55, с. 92; 106, с. 26], однако оно может восходить и к некоей бессуффиксальной среднеиранской основе типа согд. **y'tw (k)* от иран. **yātu-ka-*, ср. авест. *yātu-* «колдун, чародей», др.-инд. *yātú-* «колдовство; волшебник» [146], книжн. пехл. *yātūk*, маних. ср.-перс. *jādūg* «волшебство, магия» [147, с. 21], паз. *jādu* «волшебник, маг» [104, с. 226], согд. *y'twk* «колдун, чародей» [142, с. 277]. Несмотря на сомнения Дж. Клосона [2, с. 883], иранская этимология слова представляется вполне удовлетворительной (хотя неясно, что является конкретным источником заимствования — персидский или согдийский). В согдийском имеются еще формы *sδw*, *sδu* «колдовское обаяние» [142, с. 195, 251], а также *sδ*, которую Хеннинг [148; 80, с. 714, 738] трактует как «камень для вызывания дождя». Представляется справедливой, однако, точка зрения Дж. Клосона [2, с. 883], считающего, что сама эта согдийская форма может представлять собой заимствование, что она во всяком случае не является источником тюркской формы (ср. [149, с. 31]).

²⁷ Г. Дёрфер [13, с. 288—289] и Дж. Клосон [2, с. 883] считают, что распространенная в современных тюркских языках форма *jada* представляет собой обратное заимствование из монгольского. Однако неясно, как в таком случае объяснить инициальный *j-* тюркской формы.

16. * *jāk* «демон, злой дух». Представлено в древнетюркском предположительно с V—VII вв., определено — с VIII [1, с. 253; 2, с. 910], довольно широко распространено в современных языках [4, с. 194—195].

Слово возводится к пали *yakkho*, пракр. *jakkha*- «демон» [73, с. 601], вопреки Дж. Асмуссену [150] и др., по всей видимости, через иранское посредство [1, с. 253; 2, с. 910]. Многое здесь, однако, остается неясным. Так, прежде всего неизвестен язык-посредник (в согдийском форма типа *yk*, насколько мы можем судить, отсутствует — согд. *'ykšy*, *ykšyy*, *ykš-*, *ykš'* восходит непосредственно к скр. *yakṣa*- «демон» [53, с. 483, 553; 142, с. 277; 109, с. 32]. Тем не менее альтернативная теория В. Банга и коллег [151] о производности *jāk* от *jā*- «есть» (т. е. «обжора»), принятая также М. Рясяненом [4, с. 195], выглядит менее приемлемой (по крайней мере, ввиду несоразмерности гласных в *jā*- и *jāk*).

17. **katir* «мул». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 435; 2, с. 604], исходная форма хорошо сохранена в современных огузских языках [132, с. 95; 4, с. 242]. Заимствовано в монгольском (п.- и ср.-монг. *qačir* «лошак», по [145], однако в [25] отсутствует), откуда в качестве монголизма проникло во многие тюркские языки [132, с. 95; 30, с. 392—393; 4, с. 217].

Слово, по-видимому, заимствовано из согд. **xrtr*-[*xartar*] «мул», по Г. Бэйли, — *xarataraka*- [152], ср. согд. *yrtr'k*, хотано-сак. *khaḍara* < **xara-tara*- [74, с. 70—71], н.-перс. *astar* тж. [55, с. 21] от иран. **aspa-tara*- (при др.-инд. *aśva-tarā*-). Тюркские слова вновь проникли в иранские языки, ср. перс. *kātir*, осет. *qadir* «мул» и др., ийдга *kačir*, *xačir* тж. и др. [153—155]. Ввиду надежной иранской этимологии вряд ли целесообразно производить тюрк. **katir* «мул» от основы глагола *qat*- «смешивать», как то предпочитают, вслед за А. Вамбери [156], Дж. Клосон [2, с. 604] и др. К вероятной диссимилятивной элизии срединного -r- в тюркской форме ср. выше тюрк. **dämür* // **dämür* «железо» — ср.-кит. *tiet-müt*, позднеср.-кит. *tier-mür* «железная вещь».

18. **känt* (**känd*) «город». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 290; 2, с. 728], слабо распространено в современных языках (уже на правах архаизма, а также в топонимах типа *Самарканд*, *Ташкент* и т. п.) [30, с. 670; 4, с. 252].

Заимствовано из согд. *knd* «город» [142, с. 256; 109, с. 80 30, с. 670; 4, с. 252; 2, с. 728], ср. хотано-сак. *kanthā*- тж. [74, с. 51], осет. *kænt* «здание» [133, с. 579] (с различными трактовками иранской основы в данных работах) и др.

19. **kilit* // **kirit* «ключ». Представлено в древнетюркском с XI в. (в виде *kirit* [1, с. 309; 2, с. 738]), довольно широко распространено в современных языках (с перебоем *l/r* [4, с. 271]).

Современные формы с -l- заимствованы, видимо, непосредственно из н.-перс. *kiliḍ* «ключ» [4, с. 271] < араб. *iqliḍ* < греч. *κλήιδ*- тж. [157], а форма с -r-, по предположению Дж. Клосона [2, с. 738], может восходить к согдийскому источнику.

20. **kumlak* «хмель». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определено — с XI в. [1, с. 466; 2, с. 628], широко распространено в современных языках, включая чувашский — *χām̃la* [4, с. 299]. Древность слова удостоверяется наличием старого бұлгаризма в венгерском — *komló* тж. [39, с. 97].

Существует несколько этимологий этого широко распространенного культурного слова (тюркская, германская, иранская). Так, М. Рясянен [4, с. 299] возводит тюрк. **kumlak* к *kum* «волна», что довольно сомнительно

(это решение основано на народно-этимологическом истолковании слова *qumlaq* в словаре М. Кашгарского). Германская этимология слова [158], согласно которой др.-исл. *hymli*, англ.-сакс. *hymele*, ср.-н.-нем. *homele* «хмель» связываются с н.-в.-нем. *hummeln* «шарить, ощупывать», представляется довольно натянутой. Наиболее вероятно все-таки иранская этимология [159], где осет. *χ₀um-ællæg* // *χ₁um-ællæg* «хмель» возводится к др.-иран. **hauma-aryaka-* «арийская хаома (опьяняющий напиток)» (ср. [149, с. 31]). Следует заметить, однако, что тюрк. **kumlak* оказывается единственным более или менее надежным древним аланизмом в тюркских языках.

При принятии данной этимологии следует предположить, что аланское (скифское) слово в ранний период проникло в тюркский (**χ₁umallak* > **kum-lak*), а в европейских (ср. цитированные выше германские формы, а также слав. **xmeľь*, ср.-греч. *χομέλι*, ср.-лат. *humulus*) и финно-угорских языках (венг. *kotló*) распространилась уже вторичная б^улгарская форма без конечного *-k* (ср. чув. *χ₂mtla*).

Иной путь распространения иранского слова предполагается Ф. Б. Койпером [160], который считает исходной для европейских названий хмеля не б^улгарскую, но не посредственно осетинскую форму **xumæľ* (из **hauma—arya-*). Уязвимым местом этой точки зрения, на наш взгляд, является отсутствие бессуффиксальной формы в каких бы то ни было иранских источниках.

Следует упомянуть и точку зрения В. Б. Хеннинга [161], также признающего иранский источник тюркского слова, однако считающего его собственнотюркским производным от незасвидетельствованного **qum* < вост.-иран. *xum* (= авест. *haoma-*). Данная версия становится совершенно излишней при наличии весьма убедительной этимологии В. И. Абаева. К этому ср. еще [162; 105, с. 168—169; 163, с. 292; 164] и др.

21. **küðäč* (**köðäč*) // **küzäč* «кувшин». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в. (в виде *küzäč*), определенно — с XI (в виде *küzäč* и диал. *küðäč* [1, с. 324; 2, с. 757]), современные формы (в основном северо-восточные) восходят к **köðäč* [4, с. 286].

Для этого слова предполагается иранский источник [2, с. 757], ср. н.-перс. *kūza* «глиняный сосуд, кувшин; чаша, кубок» [55, с. 194—195; 165], согд. *ks'* «чаша, кубок» [125, с. 213] (возможно, сюда же согд. *kwzt'yk* «кувшин» [64, с. 89]), хотя налицо некоторые фонетические и словообразовательные сложности (о *-č* в *küzäč* как о словообразовательном суффиксе см. [35, с. 90]). Отметим, что непосредственно к перс. *kūza* восходят некоторые современные формы типа туркм. *küjze* «кувшин, кринка». К этому ср. еще [133, с. 641—642, 654; 88, с. 273], а также [74, с. 61—65]: *kissa* «в сосуде», *kūysa-*, *kauysä*, *kūsa-* «глиняный сосуд, кувшин».

22. **küp* «глиняный кувшин, сосуд». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 328; 2, с. 687], сохранено в современных огузских языках [4, с. 309].

Это древнее бродячее слово, проникшее в тюркский, видимо, через иранское посредство, ср., в частности, вероятный семитизм в персидском — *kūr* «большой кувшин (для воды)» [166]. Не вполне, правда, ясно, какой именно иранский источник оно имеет (в среднеперсидском и согдийском оно как будто бы не засвидетельствовано). К этому ср. еще [167; 88, с. 394; 168].

23. **mīrč* (// **murč*; **burč*) «перец». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определенно — с XI в. (с начальным *m-* [1, с. 346, 351; 2, с. 771—772], а также, по-видимому,

с начальным *b-* в бугарской ветви), широко распространено в современных языках (часто с развитием *m- > b-*, являющимся следствием ограничений на употребление анлаутного *m-* в тюркском) [4, с. 345; 21, с. 274]. Древность слова удостоверяется наличием старого бугаризма в венгерском — *bors* тж. [39, с. 100].

Общепризнано заимствование тюрк. *mürč* // *murč* из скр. *marīca* «перец» [73, с. 567; 72, с. 377; 98, с. 374; 4, с. 345; 2, с. 771], по-видимому, через согдийское посредство — согд. *marč*, *marīč* (в арабской записи) «перец» [169].

24. **ōtag* «шатер, жилище». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 373; 2, с. 46], широко распространено в современных языках [4, с. 366; 5, с. 484—485].

Е. И. Титов [170] и А. Йоки [22, с. 249] считают слово заимствованным из согд. *'wt'k* «область, местность» [120, с. 195]. Исключить такую возможность, по нашему мнению, нельзя, хотя большинство исследователей в настоящее время предпочитают собственно тюркскую этимологию от **ōt* «огонь», **ōta-* «зажигать»: **ōt-a-g* «место, где поддерживается огонь» [171; 3, с. 69; 2, с. 46; 5, с. 486—487; 172]²⁸.

25. **sart* «купец». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 490; 2, с. 846], сохранено в ряде современных языков в качестве архаизма [4, с. 405]. В конце средневекового периода слово приобретает значение «горожанин», а также «иранец» [2, с. 846].

Заимствовано, по всей видимости, из иранского источника, ср. зап.-ср.-иран. *sārt* «караван» [53, с. 333; 108, с. 81], по предположению Дж. Клосона [2, 846], — из санскритского (*sārtha-* тж.) через согдийское посредство.

26. **tamu(g)* «ад, преисподняя». Представлено в древнетюркском предположительно с V—VII и VIII вв., определенно — с XI [1, с. 531; 2, с. 503], широко распространено в современных языках, включая чувашский — *tamăx*, *tamăk* [3, с. 568—569; 4, с. 460].

Заимствовано из согд. *tm(w)* «ад» [142, с. 273; 52, с. 403; 2, с. 503; 175] и др., все — из *tmw*, ср. авест. *tamah-* «темнота, тьма», др.-инд. *tāmas-* [56, с. 648—649; 176], ср.-перс., парф. *tam* тж. [108, с. 86] (по К. Залеману, — ср.-перс. *tum* [123, с. 271], по Д. Маккензи, — книжн. пехл. *tom* [147, с. 25]), н.-перс. *tam* «потемнение хрусталика, катаракта» [55, с. 88]. Конечный *-g* (*-γ*) либо отражает иранскую суффиксацию (возможно, — ингредиент сложения **tamaka-ahū-* «мрачный мир» в противоположность «светлому миру» — «раю»), либо развит на тюркской почве.

27. **tan* // **tān* «тело». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — ок. IX [1, с. 531, 544; 2, с. 510], сохранено в ряде современных языков [4, с. 473].

Заимствовано из ср.-перс. *tan* «тело» [57, с. 81], ср. авест., др.-перс. *tanū-*, др.-инд. *tanū-* «тело; сам» [177; 121, с. 144], скиф. *tanu* [129, с. 305], н.-перс. *tan* «тело» [55, с. 88].

28. **uštmaḥ* «рай». Представлено в древнетюркском с XI в. (в виде *uštaq*, предположительно с XII—XIII вв. — в виде *uštmaḥ* [1, с. 604,

²⁸ Согд. *'wt'k(w)* надежной иранской этимологии не имеет [109, с. 150], см., однако, [173]. Поэтому, конечно, не исключено, что сама согдийская форма (которую Э. Бевенист переводит как «*raus habité, region*» [142, с. 247], а В. Хеннинг [53, с. 535] и В. Зундерман [174] как «место, местность») может действительно оказаться тюркизмом.

621; 2, с. 257]), широко распространено в современных языках (в виде *uĉmaq* — народно-этимологическая форма — результат аналогии с глаголом *uĉ-* «летать, улетать» [3, с. 12; 5, с. 614]).

Займствовано из согд. **wštm'x*, *wštm'x* «рай» [109, с. 32, 61; 2, с. 253; 5, с. 614; 178], ср. ср.-перс., парф. *vahištāv*, *vahišt* [108, с. 92], н.-перс. *bihīšt* [55, с. 56] и др., видимо, от иран. **vahištātama-ahū-* «лучший мир» (см. [109, с. 25] с привлечением конъектуры О. Семереньи, [52, с. 382]).

При анализе иранских заимствований в общетюркском обращает на себя внимание сравнительно позднее время появления большинства из них в тюркских письменных памятниках — до IX в. засвидетельствовано намного меньше иранизмов, чем в текстах X—XI вв.²⁹

В качестве основных источников выступают согдийские, несколько реже — персидские формы (*āsān*, *āxur*, *bay*, *čādur*, *čakuĉ*, *čaugān*, *čīt*, *kilīd*, *tan*)³⁰. В более позднее время число иранизмов в тюркских языках резко возрастает, но их анализ выходит уже за рамки поставленных здесь задач.

III. Заимствования из неиранских индоевропейских языков

1. **bāčīn* «обезьяна». Представлено в древнетюркском с VIII в [1, с. 98; 2, с. 295—296], сохранено в ряде современных языков [24, с. 128] в качестве архаизма по сравнению с более поздним арабизмом — *tautmūn*, засвидетельствовано также в монгольском — *bečī(n)* тж. [25, с. 93].

Тюркское слово принадлежит к числу несомненно заимствованных слов той группы, точное происхождение которых довольно трудно проследить. Вслед за Н. Понпе [180] и Л. Лигети [181], мы склонны предполагать, что непосредственным источником тюркской формы может быть монг. *bečīn*. Если монгольская форма восходит к **betin* (развитие *ti > či* характерно для монгольского, но отсутствует в тюркском), то ее можно выводить из *πῑθων* (ср. [96, с. 74]), хотя и при такой этимологии не удается преодолеть фонетические трудности, связанные с вокализмом. Альтернативная иранская этимология, сравнивающая тюрк. **bāčīn* с перс. *būzīna*, афг. *bizū*, тадж. *būzīna*, хинди *bozna*, *buzīna* и др. [182; 3, с. 383; 12, с. 437; 4, с. 66; 2, с. 295], представляет еще большие фонетические трудности — хотя в конечном счете мы, наверно, имеем дело с различными вариантами одного и того же «бродячего» слова³¹.

2. **bōz* «холст, хлопчатобумажная ткань». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII—X вв., определенно — с XI [1, с. 118;

²⁹ В качестве ранних иранизмов квалифицируются также древнетюркские титулы *qatun*, *šad*, *šadap(ūt)* и др. (по поводу **Ašina* см., в частности, [179]), которые будут рассмотрены нами в отдельной работе. Дж. Клосон [2, с. 627] считает иранизмом также др.-тюрк. *qataγ* «весь», засвидетельствованное уже в тюркских рунических памятниках VIII в. (ср. ср.-перс., парф и др. *hamāg*, *hamag* «весь, всё; все» [108, с. 45]). Исключить такую возможность, по-видимому, нельзя, однако требуются дополнительные аргументы для подтверждения гипотетической тюркской праформы **χataγ*, приводимой Дж. Клосоном.

³⁰ Возможно, в некоторых случаях следует предположить заимствование тюркского слова из незасвидетельствованной согдийской формы, родственной эквивалент которой сохранился только в персидском.

³¹ В качестве его предполагаемого первоисточника в последнее время указываются семито-хамитские формы: др.-египет. *pətt* «бабуин», туарег. *abiddau* «обезьяна» [183].

2, с. 389], широко распространено в современных языках [4, с. 72; 21, с. 102]. Примерно с XIII в. засвидетельствована и форма *büz* «материя, ткань (бумажная, льняная)» [1, с. 97], исторически, возможно, более архаичная.

Вслед за Б. Лауфером [98, с. 574], В. Бангом [184] и др., часть исследователей конечным источником тюркского слова считают греч. *βύσσος* «виссон, тончайшее полотно». Само греческое слово (засвидетельствовано с V в. до н. э.) имеет западно-семитское происхождение, ср. финик. *bš*, сир. *būšā*, аккад. *būšu*, араб. *bazz* и др. [185; 186, с. 74]. Однако непосредственное выведение тюрк. **böz* (**büz*) из греческого опять-таки наталкивается на фонетические трудности (долгота гласного, звонкий *z*), заставляющие предполагать некоторый неизвестный нам язык-посредник. К выяснению возможных путей проникновения слова в тюркские языки, см. также [187].

3. **idiš* (/ **itiš*?) «сосуд». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — ок. IX [1, с. 203; 2, с. 72], распространено в ряде современных языков [4, с. 36; 5, с. 328—329].

Согласно К. Менгесу [188], тюрк. **idiš* восходит в конечном счете к греч. *δίσκος* «блюдо» (откуда, через латинское посредство, и европейские формы типа англ. *dish*). Эта этимология представляется интересной, хотя и сопряжена с некоторыми фонетическими трудностями. Во всяком случае, пути проникновения греческого слова в тюркский предстоит еще выяснить.

4. **köpür* (/ **köp(ü)rüg*) «мост». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 317; 2, с. 690], широко распространено в современных языках [30, с. 585; 4, с. 292]. Следует заметить, что форму **köpür*, представленную в каз. *köpür*, тат., башк. *küper* и других северо-западных языках, а также чув. *käper*, вопреки Г. Дёрферу [30, с. 585], трудно признать новообразованием, хотя она и не засвидетельствована в старописьменных памятниках. Тюркская форма **köp(ü)rüg* была рано заимствована в монгольском — *kögerge* «мост» [25, с. 480].

Несмотря на критику Г. Дёрфера [30, с. 586—587], греческая этимология слова, отстаиваемая М. Рясняном [4, с. 292], В. Г. Егоровым [163, с. 106], Ш. В. Габескирия [189] и др., представляется довольно убедительной: ср. др.-греч. *γέφυρα* «мост», н.-греч. *γέφυρα* тж. Как и в предыдущем случае (с тюрк. **idiš*), некоторые фонетические детали и здесь остаются неясными (причины оглушения начального согласного, отпадения конечного гласного). Следует, по-видимому, и здесь предполагать вероятность некоего языка-посредника.

Итак, можно констатировать, что немногие общетюркские грецизмы проникли в тюркскую языковую среду через какой-то, пока еще не идентифицированный промежуточный источник (ввиду проблем фонетического порядка трудно предполагать непосредственные контакты тюрков с греческими эмигрантами Средней Азии, обитавшими в тех краях, по-видимому, еще со времен Греко-Бактрийского царства).

5. **jägirmi* «двадцать». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 253; 2, с. 915], распространено во всех современных языках [163, с. 214] и др.

По предположению А. Рона-Таша [190, с. 504], источником тюркской формы является тохарский — тох. В *ikäm* [*wiki*] «двадцать» [47, с. 169] < и.-е. **ikm̥ti* [191, с. 572]. Тохарская форма не может, однако, объяснить наличие *-r-* в тюркском, что, в частности, является наиболее уязвимым местом данной этимологии.

6. **kūñcit* «кунжут». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — ок. XII—XIV вв. [1, с. 327; 2, с. 727—728], распространено в большинстве современных языков [4, с. 309; 2, с. 727].

Слово восходит непосредственно к тох. А *kuñcit* [= В] «кунжут» [47, с. 95; 2, с. 727]. К тюркскому источнику, вопреки Г. Моргенштерне [192] и М. Рясняну [4, с. 309], восходят ср.- и н.-перс. *kuñjid* тж. [57, с. 52].

7. **tōr* «почетное место, место против входа». Представлено в древнетюркском с XI в. [1, с. 580; 2, с. 528—529], широко распространено в современных языках [4, с. 494].

Согласно предположению А. Рона-Таша [190, с. 74], заимствовано из тох. В *twere* «дверь» [47, с. 202] < и.-е. **d(h)uēr-* тж. (**dhuro-*с, по [191, с. 520]).

8. **tūmān* (/ **tuman*) «десять тысяч». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определенно — с VIII в. [1, с. 596—597; 2, с. 507—508], довольно широко распространено в современных языках [3, с. 634; 4, с. 504], заднерядная форма *tuman* налицо в турецком [4, с. 498]. Тюркское происхождение имеют монг. *tūme(n)* [25, с. 853; 36, с. 415; 3, с. 639; 4, с. 504; 2, с. 507], венг. *tőmény* тж. [39, с. 131].

По всей вероятности, вопреки Г. Дёрфферу [3, с. 641], заимствовано из тохарского — тох. А *tām*, тох. В *tāne*, *tumane* «десять тысяч» [47, с. 102, 200; 191, с. 642; 2, с. 507; 190, с. 504]³². Вопреки Л. Г. Герценбергу [1, с. 596], ср.-перс. *tumān* не может являться источником тюркской формы, но, напротив, представляет собой сравнительно поздний тюркизм.

Из числа надежных тохаризмов в тюркском следует упомянуть также не сохранившиеся в современных языках др.-тюрк. *ārmāli* «быстрая лошадь, скакун» < тох. В *ramer*[*rmer*] «быстрый» [47, с. 230; 191, с. 401; 2, с. 232], др.-тюрк. *aršī* «дворец» < тох. В **kerc(c)iyi* мн. ч. тж. [47, с. 168; 191, с. 215; 30, с. 443; 2, с. 664; 190, с. 503], др.-уйг. *banīt* «патока, сироп» < тох. В *panit* (*pañit*) тж., скр. *phāñita* [47, с. 207; 4, с. 61], др.-уйг. *madar* «демон, чудовище» < тох. А *mātār*, тох. В *mādār* «(водяное) чудовище», скр. *makara* [47, с. 124, 219; 1, с. 334] и некоторые др.³³.

Следует, по-видимому, констатировать, что для рассуждений об активном влиянии тохарского на тюркский еще нет достаточных оснований — тохаризмов в общетюркском, несомненно, значительно меньше, чем китаизмов и иранизмов.

Помимо рассмотренных выше иранизмов, грецизмов и тохаризмов, в общетюркской лексике встречается еще довольно большое количество

³² Тохарское слово, по-видимому, имеет довольно надежную индоевропейскую этимологию — и.-е. **teu-* «толстеть», ср. от того же корня слав. **tysqti-*, гот. *fūsundi* «тысяча», а с другой стороны, распространенная на **-me(n)* типа лат. *tumeo*, греч. *σῶμα* и др. [193, с. 1080—1085; 135, с. 133]. Поэтому вряд ли есть основания выводить тохарскую форму из др.-кит. **tman* вопреки Дж. Клосону [2, с. 507] со ссылкой на устное сообщение Е. Дж. Пуллиблэнка, тем более что реконструкция **tman* при ср.-кит. *mwən*, по устному же сообщению С. А. Старостина, весьма сомнительна.

³³ В упоминаемой работе А. Рона-Таша дается еще определенное множество тюрко-тохарских этимологий. Большинство из них (кроме разобранных выше) представляется пока недостаточно обоснованными. Подробный анализ всех этих сближений занял бы слишком много места — к некоторым из них мы еще вернемся ниже. Критический разбор нескольких этимологий А. Рона-Таша см. в недавних работах Е. А. Хелимского [186, с. 72—73] (здесь же, в частности, тюрк. **ōküz* «бык», **jāz* «медь») и Вяч. Вс. Иванова [194]. Статья же Н. А. Баскакова по тюрко-тохарским параллелям [195] стала нам доступна после завершения настоящей работы.

индоевропеизмов, непосредственный источник которых пока не удается проследить ³⁴.

9. **alma* (// **almīla*) «яблоко». Представлено в древнетюркском с XI в. (в виде *almīla*, *alīmīla*, а также с огузским вариантом *alma* [1, с. 35, 36; 2, с. 146]), сохранено в большинстве современных языков [4, с. 18; 5, с. 138].

Обычно слово признается индоевропейским заимствованием (о выведении тюрк. **alma* из «древнеиндоевропейского» **amlu-* «яблоко» см. [87, с. 639]). Поскольку данный корень отражен и в индоиранских языках [87, с. 640; 199], то предположение о европейском источнике тюркских форм представляется необязательным, хотя как (индо-)иранизм в тюркском квалитфицировать слово, конечно, нельзя — прежде всего ввиду наличия -r- в индоиранских рефлексах основы (ср. скр. *āmṛā-* «манго», иран. **(a)marna-* «яблоко; яблоня»).

10. **ākši-g* «кислый», **ākši-* «быть кислым». Представлено в древнетюркском с XI в. (в виде *ākšig* [1, с. 168; 2, с. 118]), глагольная основа *ākši-* фиксируется несколько позже и распространена в современных языках как в глагольной, так и в именной функции [4, с. 39; 5, с. 259].

Основу можно сравнить с и.-е. **āk(-s)-* // **ok(-s)-*, представленным в лат. *acēre* «быть кислым», *acidus* «кислый», *acētum* «уксус», греч. *ὄξος* «(винный) уксус» [193, с. 18, 21] ³⁵.

11. **baltu* (// **balta*) «топор; секира». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э. (в виде *baltu* [1, с. 81; 2, с. 333], а также, вероятно, в виде **balta* в бугарской ветви), определенно — с XI в. (в виде *baldu* [1, с. 80; 2, с. 333]), в современных языках широко распространены формы с конечным -а, а форма с конечным -и сохранена в уйгурском [4, с. 61; 2, с. 333]. Древность слова удостоверяется наличием старого бугаризма в венгерском — *balta* «топор» [39, с. 40].

Форму *balta* В. И. Абаев [133, с. 451] рассматривает в качестве иранизма в тюркском. Однако общеиранской формой рассматриваемого корня является **parasu-*, а предполагаемая древнеперсидская форма — **paraθu-* (отсюда осет. *færæt*, тох. В *peret* [*porat*], по [47, с. 212; 191, с. 637], различные финно-угорские формы, а из тохарского — чув. *portâ* [133, с. 451]). Что касается тюрк. **baltu*, то эта форма предполагает источник типа **palaθu-* с иранским развитием последнего согласного, но сохранением инлаутного **-l-*. Таким образом, налицо несомненное заимствование из индоевропейского, но конкретный источник тюркской формы пока неизвестен. Об и.-е. **peleku-* «секира; топор» (откуда и все упомянутые

³⁴ Мы не имеем здесь в виду те тюрко-индоевропейские параллели, которые разъясняются в рамках ностратической теории (см., в частности, [196—198]). Так, среди приводимых А. Рона-Ташем [190, с. 503] примеров тюрко-тохарских параллелей встречаем сближение тюрк. **gāb-* «жевать» (по Рона-Ташу — **kev-*) с и.-е. **ǵǵey-* тж., а тюрк. **ok* «стрела» — с и.-е. **ok-* // **ak-* «острый; острие» (заметим, что в тохарском корень **ǵǵey-* представлен в виде тох. А *šu-, šwa-* [= В] «есть», по [47, с. 146; 191, с. 490], а корень **ok-* // **ak-* — только в составе тох. В *akwatse* «острый», по [47, с. 161; 191, с. 142], так что непосредственное заимствование из тохарского в обоих случаях, видимо, исключено). Оба эти примера разъясняются В. М. Иллич-Свитычем как независимые тюркские (шире — алтайские) и индоевропейские рефлекс ностратических основ **kājwV* «жевать» [196, с. 293] и **Hoḳi* «острие» [196, с. 251—252]. Вопрос отделения заимствований от вероятных случаев отражения исконного родства требует комплексного применения фонетических, семантических и культурно-исторических критериев.

³⁵ И.-е. **āk(-s)-* // **ok(-s)-* «кислый» является, по-видимому, специализированным случаем использования корня **ak-* // **ok-* «острый».

выше формы), восходящем к семитскому источнику, см. [87, с. 716—717], а также [134, с. 305—306; 200] и др.

12. **jügān* (// **jügün*) «узdecka». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с IX—XI вв. [1, с. 284; 2, с. 913; 201], рефлексy данной основы широко распространены в современных языках [4, с. 212; 2, с. 313].

Индоевропейский прототип тюркской формы возможно представить в виде **ieug-eno-* (ср., например, скр. *yójana-* «запрягание, упряжь» [202] от распространенного индоевропейского корня **ieug-g-* [193, с. 508—510]), **ieug-k'-* «впрягать» (скр. *yunákti*, авест. *yaoj-*, *yuǵ-*, греч. ζεύγνυμι и др. [87, с. 721]).

13. **kĭjĭn* (// **kĕñ*) «наказание; кара». Представлено в древнетюркском предположительно со второй половины первого тыс. н. э., определенно — с VIII в. [1, с. 441; 2, с. 631], широко распространено в современных языках (в том числе с вторичным адъективным значением «тяжелый; трудный; мучительный») [30, с. 575; 4, с. 264]. Древность слова удостоверяется наличием старого бѹлгаризма в венгерском — *kín* «мука» [39, с. 95].

Наиболее удачная этимология слова принадлежит Г. Рамstedту [8, с. 17], сравнившему его с и.-е. **k^uei-na-* // **k^uoi-na-* «наказание» (греч. ποινή, авест. *kaēnā-* и др. [87, с. 809]). Возражения Г. Дёрфера [30, с. 576], указывающего на несоответствие гласных в первых слогах индоевропейской и тюркской форм и на возможность произведения тюрк. **kĭjĭn* от **kĭj-* «сгибать» (?), вряд ли можно признать существенными.

14. **ördäk* (**örtäk*) «утка». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определенно — с XI [1, с. 388; 2, с. 205], широко распространено в современных языках (в формах, восходящих либо к **ördäk*, либо к вторичному варианту **ödiräk*) [3, с. 31; 4, с. 374; 2, с. 205; 5, с. 547—548].

Вслед за Г. Дёрфером [3, с. 31] следует отклонить семантически весьма сомнительное сравнение Г. Рамstedта [31, с. 209; 8, с. 146] тюрк. **ördäk* с монг. *örüne* «запад; западный» [25, с. 664]. Вряд ли следует также, вопреки Дж. Клосону [2, с. 205], производить **ördäk* от **ör-* «подниматься» (ср. [12, с. 407], где Г. Дёрфер исходным вариантом считает *ödiräk*). По нашему мнению, более всего заслуживает внимания сравнение слова с и.-е. **arōd-* // **erōd-* «водяная птица» [5, с. 548], представленным в греч. ἑρῳδίος лат. *ardea* «цапля», др.-исл. *arta* «утка-чирок» и др. [193, с. 68]. В тюркском основа оформлена обычным именным суффиксом.

15. **sūči-* «сладкий», **sñči-* «быть сладким». Представлено в древнетюркском с VIII в. (в виде *sūčig*, производящая основа засвидетельствована с XI в. [1, с. 516; 2, с. 795—797]), сохранено в ряде современных языков (в некоторых — только в значении «вино» [4, с. 434; 2, с. 796]).

Вслед за В. Бангом [203], основу **sūči-* обычно объясняют как производное от **sūt* «молоко» [30, с. 286; 4, с. 434]. Семантически такое объяснение представляется довольно натянутым. Полный параллелизм тюркских основ **sūči-* и **ākši-* (см. № 10) позволяет, однако, искать для данного слова индоевропейские параллели. Действительно, основу **sūči-* можно рассматривать как восходящую к более древней форме **sūt-si-* (**sūt-ši-*) и сравнивать с и.-е. **sqāt'-* «сладкий» (скр. *svādú-*, греч. ἡδός и др. [87, с. 117]), ср. особенно индоевропейскую основу на -s, представленную в др.-инд. *svādas-*, др.-греч. ἡδός [193, с. 1040], которая могла послужить базой для тюркской формы.

16. **täyri* (// **taγri*) «небо; бог». Представлено в древнетюркском с в VIII в. [1, с. 544; 2, с. 523], распространено во всех современных языках [3, с. 578—580; 4, с. 474] и др. Наиболее древней фиксацией данной основы можно считать название неба на языке сюнну в китайской хронике «Хань шу» (I в. до н. э.) — (58) **ihāy-riāj* (по С. А. Старостину).

Г. Дёрфер, дающий по своему замечательному обыкновению критическую сводку обширной литературы вокруг данного слова [3, с. 577—585], вслед за П. Пеллио [204] и Л. Лигети [205] признает его заимствованием неизвестного происхождения. Мы считаем, что тюрк. **täyri* может восходить к и.-е. теониму **trH̥uen-* // **tṛH̥uer-* (с анаграмматическими перестройками)³⁶, представленному хет.-лув. **Tarh̥unt-*, герм. **Θunra-*, кельт. *Taranis* «бог Грозы, Громовержец» [206], а также др.-инд. *Indra-* и др.

17. Кирг., уйг. *balqa*, каз., башк. *balqa* и др. «молот, молоток» [3, с. 256—257; 4, с. 61; 21, с. 57—58; 207].

Данная основа распространена и в других алтайских языках (монг. *aluqa(n)*, маньчж. *folho, folgo*, ульч. *paloa* и др.), причем период заимствований тут пока не вполне ясен (возведение к праалтайскому, конечно, исключается). В конечном счете, слово, несомненно, восходит к той же основе, что и тюрк. **baltu* (см. № 12), т. е. к и.-е. **peleḱu-* семитского происхождения. Тюркские основы **baltu* // **balta* и **balka* представляют собой, таким образом, этимологический дублет (т. е. одновременные заимствования из разных индоевропейских источников).

18. Балк., каз., койб. и др. *sīra*, чув. *sāra* «пиво» [4, с. 418] // венг. *sör, ser* тж. [134, с. 317].

Начиная с Б. Мункачи [72, с. 379], предполагается связь слова с скр. *sūrā* — согласно древнеиндийской традиции, грубый опьяняющий напиток, используемый низшей кастой *sūdrā-* (родственно авест. *hurā-* «кумы», ср.-перс. *hur* «алкогольный напиток» и др. [87, с. 653; 57, с. 45]). Вопреки П. Аальто [149, с. 30], иранское посредство в данном случае исключается ввиду наличия инициального *h-* в иранском. Ср. также коми, удм. *sur*, хант. *sar* «пиво» [208, с. 266].

19. Туркм. *tāna*, кирг. и др. *tana*, тур. *dana*, чув. *tina* «теленка (преимущественно от шести месяцев до двух лет)» [132, с. 101; 209; 4, с. 460] // венг. *tinó* «бычок от двух до трех лет» [39, с. 130].

Начиная с Б. Мункачи [210], исследователи предполагают связь слова с авест. *daēnu-* «самка четвероногого животного». Вопреки П. Аальто [149, с. 30], непосредственный характер заимствования из иранского находится, однако, под вопросом (по фонетическим и семантическим соображениям). Иранская форма восходит к и.-е. **dhēi-nu-* // **dhēi-no-* (ср. скр. *dhēnā* «дойная корова», др.-ирл. *dīnu* «ягтенок», лтш. *at-diene* «телка двух лет» и др. [193, с. 241—242; 87, с. 570]).

20. Чаг. *toraq* «сыр», чув. *torāḱ, turāḱ* «варенец, простокваша» и др. [30, с. 210—211; 4, с. 490] // венг. *túró* «творог» [39, с. 133] // монг. *taraḱ* «свернутое, кислое молоко» [25, с. 779].

Индоевропейское происхождение данной основы представляется вполне вероятным, ср. формы типа слав. **tvarogъ* [135, с. 31]. Однако вопреки

³⁶ На индоевропейской почве данная основа может ассоциироваться как с **terH-* «побеждать» [87, с. 205, 822], так и с *(s)*tenH-* «гремять (в частности, о громе)» [193, с. 1021]. Учитывая возможности сакрализированных фонетических перестроек теонимов, можно выявить широкие евразийские связи данной основы, однако подробное их рассмотрение выходит за рамки настоящей работы.

II. Аальто [149, с. 30], вряд ли оправданно возводить тюркские формы к иранскому источнику — авест. *tūiri-* «створожившееся молоко; сывортка» вне зависимости от того, что, в частности, **tvarogъ* и *tūiri-* имеют общее происхождение [193, с. 1083; 87, с. 570].

21. Тат. *usaq*, тел. *apsaq*, крч. *bisaq*, хак. *os* и др., чув. *âvâs* «тополь; осина» [4, с. 3; 5, с. 607].

Тюркская основа, несомненно, связана с и.-е. **osp-* (// **ops-*) «осина; тополь» (прус. *abse*, русск. *осина*, н.-лужицк. *wosa, wôsa*, др.-англ. *æspe* и др. [87, с. 626—627]). Вряд ли, однако, можно причислять тюркские формы к непосредственным иранизмам (надежные рефлексy индоевропейского корня в иранском отсутствуют); по той же причине нельзя согласиться с А. Рона-Ташем [190, с. 502], выводящим тюркские формы из незафиксированной тохарской.

Итак, анализ индоевропеизмов в общетюркской лексике приводит к следующим выводам:

1. Помимо непосредственных заимствований из иранских и тохарских языков, в тюркском имеется довольно большое количество заимствований из иного индоевропейского источника (источников).

2. Эти индоевропеизмы проникали в тюркский довольно рано (ср. **kijîn*, **sūči-g*, **tāyri*). Отсутствие ряда таких индоевропеизмов в старописьменных памятниках (см. № 17—21) может объясняться либо поздним заимствованием, либо, что вероятнее, проникновением их только в периферийную древнетюркскую диалектную зону.

3. Характер индоевропейского источника этих слов пока остается неясным — возможно, его удастся уточнить на основе более широкого анализа индоевропейско-алтайской контактной лексики.

4. Не исключено, что именно этот индоевропейский источник служил посредником при проникновении в тюркский греческой лексики (см. № 1—4), поскольку трудно предполагать наличие непосредственных греко-тюркских контактов в древние времена.

IV. Заимствования из прочих языков

Для современных тюркских языков характерно обилие монголизмов. Однако следует констатировать, что в общетюркской лексике (во всяком случае среди слов, зарегистрированных в письменных памятниках до XIII в.) монголизмы почти полностью отсутствуют³⁷. Подавляющее большинство имеющихся тюрко-монгольских изоглосс относится, таким образом, к одной из трех категорий: а) исконно родственные корни (т. е. кор-

³⁷ Возможно, тщательные поиски позволили бы обнаружить некоторое количество ранних монголизмов в тюркском. Нам известны, по крайней мере, два-три случая такого рода: тюрк. **kīragu* «иней» (с XI в.), по-видимому, <монг. *kīraγu(n)* тж. (хотя Г. Дёрфер и Дж. Клосон предполагают обратное направление заимствования [30, с. 569; 2, с. 656]). В данном случае, весьма вероятно, исконной параллелью для монг. *kīraγu(n)* «иней» [25, с. 470] является тюрк. **kār* «снег» (к соответствию гласных ср. тюрк. **sāri-g* «желтый» при монг. *šira*, тюрк. **tāl'// *tāš* «камень» при монг. *šilaγu(n)* и др.). В этом случае тюрк. **kīragu* естественно рассматривать как вторичное заимствование из монгольского, к этому ср. выше № 1 о вероятности заимствования тюрк. **bāčīn* «обезьяна» из монгольского, а не наоборот. Из ранних монголизмов в тюркском следует отметить также сев.-вост.-тюрк. **čar* «вол» (алт., тел., лоб. и др. *čar*, качин. *šar* «кладеный бык») от прамонг. **žari* «кастрированный олень старше четырех лет (годный для верховой езды)» [211]. Однако эти примеры пока остаются слишком малочисленными. Можно утверждать, что в древние времена влияние монгольского на тюркский было очень невелико.

ни, восходящие к гипотетическому общеалтайскому праязыку); b) ранние и средневековые заимствования из тюркского в монгольский; c) поздние монголизмы в тюркском.

Еще один класс заимствований в общетюркском — это слова, проникшие из уральских языков. Это очень небольшая и семантически специфическая группа слов:

1. **däjiŋ* (> *täjiŋ*) «белка». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 549; 2, с. 569], широко распространено в современных языках [3, с. 667; 4, с. 470; 71, с. 180]. Вопреки М. Рясянену [4, с. 470] и вслед за Дж. Клосоном [2, с. 569], следует не смешивать с этим корнем др.-тюрк. *tägiŋ* «соболь».

М. Рясянен [212, с. 200; 4, с. 470] выводит тюркское слово из финно-угорского, ср. хант. *taŋGe* «белка; копейка», манс. *lein* «белка; деньги»³⁸.

2. **kēš* (**kēl'*) «соболь». Представлено в древнетюркском с VIII в. [1, с. 310; 2, с. 752], сохранено в ряде современных языков [30, с. 664; 4, с. 272].

Вполне надежна версия о заимствовании слова из самодийского источника (сельк. *ši*, камас. *šili* < самод. **kili*), которую предлагают К. Доннер [213], Г. Паасонен [214], Н. Поппе [215, с. 109] и др. Менее вероятно в данном случае обратное направление заимствования, предполагаемое А. Йоки [22, с. 290—291], и вряд ли оправдана критика тюрко-самодийского сближения у Г. Дёрфера [30, с. 664—665]. Наконец, исключительно сомнительно выведение тюрк. **kēš* из незасвидетельствованной тохарской формы **kiš* при и.-е. **keḱ* «ласка» [190, с. 503]. В пользу данной этимологии см. также [132, с. 143].

3. **kundur'* (*kunduz*) «бобр». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 466; 2, с. 635], широко распространено в современных языках, включая чувашский — *χântâr* [30, с. 522—523; 4, с. 301].

Вслед за Н. Поппе [215, с. 109] тюркское слово обычно сравнивается с угорскими формами — хант. *χundil* «крот», манс. *χont'el'* «бобр», венг. *hód* тж. и др. [216], хотя пока еще не совсем ясно направление заимствования. Сравнение представляется вполне надежным (несмотря на различное оформление основ), поэтому критика Г. Дёрфера [30, с. 523—524] кажется неоправданной.

4. **tīt* «лиственница». Представлено в древнетюркском предположительно с VIII в., определено — с XI [1, с. 569; 2, с. 449], распространено в ряде современных языков [4, с. 479; 2, с. 449].

По справедливому замечанию М. Рясянена [212, с. 22; 4, с. 479], тюркское слово заимствовано из финно-угорского, ср. манс. *tj̄t*, *tēt*, хант. *tëχât* «кедр» (доперм. **szksz-* [208, с. 267; 217]).

Вероятно, в общетюркской лексике можно обнаружить и другие уральзмы, однако требуются специальные разыскания по их выявлению.

Наконец, последняя группа слов, которую необходимо упомянуть, — это заимствования из неизвестных источников. Ряд общетюркских и древнетюркских слов выделяется на фоне основной массы исконной тюркской лексики различными фонетическими и семантическими особенностями, указывающими на заимствованный характер этой лексики. При этом никаких надежных иноязычных параллелей не обнаруживается. В по-

³⁸ Решение сложного вопроса о происхождении тюркских форм типа тат. *täŋkä* «деньги» (откуда и русск. *деньга*, мн. ч. *деньги* [131, с. 499]) — подробно см. [3, с. 587—592] — непосредственно не затрагивает этимологии тюрк. **däjiŋ*.

добных случаях многие авторы (в частности, Г. Дёрфер [3, 12, 13, 30], А. фон Габэн [218] и др.) считают, что мы имеем дело с древними заимствованиями из языка жуань-жуаней (народа, обитавшего в Северной Монголии на месте более позднего тюркского каганата и истребленного тюрками, см. [70, с. 19]). Пока у нас отсутствует какая бы то ни было позитивная информация о «жуань-жуаньском» языке и т. п., обсуждать весь этот круг вопросов представляется преждевременным.

Выводы

Анализ иноязычных заимствований в общетюркской лексике позволяет сделать следующие выводы:

1. К наиболее древнему слою заимствований в общетюркском относятся китаизмы, начавшие проникать в тюркский ок. III—IV вв. н. э. В данный период своей истории тюрки контактировали также с тохарскими и какими-то еще (неидентифицированными) индоевропейскими народами.

2. Начало контактов с иранскими языками следует датировать, видимо, несколько более поздним временем. Хотя некоторые иранизмы стали проникать в тюркский уже в V—VI вв., основная их масса стала распространяться в тюркоязычной среде не ранее VIII—IX вв.

При этом отдельные китаизмы и индоевропеизмы попадали в тюркский и значительно раньше постулируемых здесь дат.

3. Специфические отношения связывают тюркские языки с монгольскими. Если тюркизмы в изобилии представлены уже в самых ранних монгольских письменных памятниках и начало их проникновения в монгольский следует, видимо, относить к первым векам нашей эры, то монголизмы в общетюркской лексике практически отсутствуют. Начало активного проникновения монголизмов в тюркский правомерно датировать периодом не ранее XIII в., т. е. временем образования монгольской феодальной империи. Вероятно, из этого следует, что в дописьменный период монголы контактировали лишь с периферийными группами тюркоязычных племен, впоследствии ассимилированными (иначе отсутствие монголизмов в древнетюркском и общетюркском было бы просто необъяснимо).

4. Специального исследования требует история взаимодействия тюркских и финно-угорских (уральских) языков. Не исключено, что неожиданные результаты могут быть достигнуты также при изучении ранних контактов тюркских и некоторых других языков Сибири и Дальнего Востока (в частности, тунгусо-маньчжурских, енисейских).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнетюркский словарь / Под ред. Наделяева В. М., Насилова Д. М., Тенишева Э. Р., Щербака А. М. Л., 1969.
2. *Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish.* Oxford, 1972.
3. *Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem Mongolen- und Timuridenzeit. Bd II: Türkische Elemente im Neupersischen.* Wiesbaden, 1965.
4. *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen.* Helsinki, 1969.
5. *Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные).* М., 1974.

6. Röhrborn K. Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen Türkischen Texte aus Zentralasien. Lf. 2: *agriglan- — anta*. Wiesbaden, 1979.
7. Большой китайско-русский словарь. Т. 2. М., 1983.
8. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Bd 1: Lautlehre / Bearb. und hrsg. von Aalto P. Helsinki, 1957.
9. Холодович А. А. Корейско-русский словарь. М., 1951. С. 158.
10. Нам Кванъ В. Коё сачжон (Словарь среднекорейского языка). Сеул, 1960. М. 159.
11. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. T. 1: Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
12. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem Mongolen- und Timuridenzeit. Bd IV: Türkische Elemente im Neupersischen (Schluss) und Register zur Gesamtarbeit. Wiesbaden, 1975.
13. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem Mongolen- und Timuridenzeit. Bd I: Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963.
14. Ramstedt G. J. Additional Korean etymologies // JSFOu. 1954. V. 57. № 3.
15. Большой китайско-русский словарь. Т. 3. М., 1984.
16. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975. С. 33.
17. Большой китайско-русский словарь. Т. 4. М., 1984.
18. Цинциус В. И., Бугаева Т. Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
19. Абулдазе И. В. Словарь древнегрузинского языка. Материалы. Тбилиси. 1973 (на груз. яз.).
20. Поливанов Е. Д. К этимологии турецкого *yı, ej* «дом», «юрта» // Сб. научн. тр. УзНИИКС. Т. I. Вып. 2. Ташкент, 1934. С. 80.
21. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
22. Joki A. J. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952.
23. Pulleyblank E. G. The consonantal system of Old Chinese // AM. 1962. V. 9. Pt 2.
24. Brockelmann C. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Divan Lugat at-turk. Budapest; Leipzig, 1928. S. 30.
25. Mongolian-English dictionary/Gen. ed. Lessing F. D. Compiled by Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S. and Lessing F. D. Bloomington, 1973.
26. Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kurzer Fassung. T. 4. StP., 1883.
27. Barthold W. Turkestan down to the Mongol invasion / Transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of Gibb H. A. R. L., 1928. P. 388.
28. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
29. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. 3. Aufl. Wiesbaden, 1974. S. 326 (Gabain A. von. Eski Türkçenin Grameri/Gev. Akalln M. Ankara, 1988. S. 266).
30. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd III: Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967.
31. Ramstedt G. J. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949.
32. Kotwicz W. Contributions aux études altaïques. B. Les titres princiers: *türç bāg*, *mo. begi* et *ma. beyle* // RO. 1953. T. 16. P. 368.
33. Bang W. Manichaeische Hymnen // Le Muséon. 1925. T. 38. Cah. 1/2. P. 34—35.
34. Wittfogel K. A., Fêng Chia-Shêng. History of Chinese society. Liao (907—1125). Philadelphia, 1949. P. 430.
35. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mitteleasiens. Leiden, 1954.
36. Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
37. Németh J. // Orientalistische Literaturzeitung. 1955. 50. Jg. № 10. S. 462. Rev.: Gabain A. von. Inhalt und magische Bedeutung der Alttürkischen Inschriften // Anthropos. 1953. Bd 48.
38. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 195.
39. Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.
40. Ло Чанпэй. Тан Удай Сибэй Фаньбинь (Фонетика танских северозападных диалектов). Шанхай, 1933.
41. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. 2. Aufl. Leipzig, 1950.
42. Csongor B. Chinese in the Uighur script of the T'ang-period // AOH. 1952. T. 2. Fasc. 1.

43. *Laufer B.* Loan-Words in Tibetan // TP. 1916. V. 17. Sér. 2. P. 509.
44. *Sinor D.* Altaica and Uralica. Two Altaic verbs for «writing» and their Uralic connections // Studies in Finno-Ugric linguistics. In Honor of Alo Raun. Bloomington, 1977.
45. *Menges K. H.* Slavisch-orientalische Wortbeziehungen // Philologica Orientalis. V. Tbilisi, 1983.
46. *Schmidt P.* Etymologische Beiträge // JSFOu. 1928. T. 42. S. 3.
47. *Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd II: Texte und Glossar / Unter Mitwirkung von Krause W. Heidelberg, 1964.
48. *Brockelmann C.* Lexicon Syriacum. Halis Saxorum, 1928. P. 564.
49. *Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы / Сост. Кляшторный С. Г. М., 1986. С. 182.
50. *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kurzer Fassung. T. 7. StP., 1889. S. 20.
51. *Bang W., Gabain A. von.* Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der Türkischen Turfan-Texte // SPAW. Jg. 1931. St. 17.
52. *Лившиц В. А., Хромов А. Л.* Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
53. *Henning W. B.* Selected papers // Acta Iranica. Deuxième série: Hommages et opera minora (Acta Iranica. 14). Téhéran; Liège, 1977.
54. *Benveniste E.* Essai de grammaire sogdienne. Pt 2. P., 1929.
55. *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
56. *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1907.
57. *MacKenzie D. N.* A concise Pahlavi dictionary. L., 1971.
58. *Golden P. B.* Proto-Bulgarian *сарах-тог/-тов* // Turkic-Bulgarian-Hungarian relations (Vith—Xith Centuries). Bp., 1981.
59. *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. København, 1942. S. 74.
60. *Zajaczkowski A.* Chapitres choisis du Vocabulaire arabe-kiptchak «ad-Durra² al-mudi'a fil-l-lugāt at-turkiya». II // RO. 1965. T. 29. Zesz. 2. P. 82, 98.
61. *Radtloff W.* Tīṣastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. StP., 1910. S. 63.
62. *Малов С. Е.* Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.; Л., 1954. С. 194.
63. *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kurzer Fassung. T. 2. StP., 1881.
64. *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne. Pt 1: Phonétique. P., 1914—1923.
65. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. С. 136.
66. *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1976. С. 309.
67. *Gabain A. von.* Ein neues osttürkisches Dialektwörterbuch // UAJ. 1966. V. 38. S. 151. Rev.: *Jarring G.* An Eastern Turki-English dialect dictionary. Lund, 1964.
68. *Тодо А.* Канва дайджитэн (Большой словарь китайского языка). Токио, 1978.
69. *Räsänen M.* Wolga-bolgarische Einfluß im Westen im Lichte der Wortgeschichte // FUF. 1946. Bd 29. Hft. 1/3. S. 201.
70. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
71. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.
72. *Munkácsi B.* Beiträge zu den alten arischen Lehnwörtern im Türkischen // Keleti Szemle. 1905. Köt. 6.
73. *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. L., 1966.
74. *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
75. *Зайончковский А.* К вопросу о структуре корня в тюркских языках // ВЯ. 1961. № 2. С. 33.
76. *Bailey H. W.* Vāsta // AO (Le Monde Oriental). 1966. V. 30. P. 29.
77. *Karlgren B.* Grammata Serica Recensa. Stockholm, 1957.
78. *Ratchnevsky P.* La condition de la femme mongole an 12e/13e siècle // Tractata Altaica. Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata. Wiesbaden, 1976. P. 525.
79. *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Jüan-Ch'ao Pi-Shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1939. S. 83.
80. *Henning W. B.* Sogdian texts of Paris // BSOAS. 1946. V. 11. Pt 4.
81. *Sims-Williams N.* The Sogdian fragments of the British Library // IJ. 1976. V. 18. № 1/2. P. 55, 57, 59.
82. *Hirth Fr.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. I. Zeit des Ku-tu-

- lu (Ilteres Khan) // *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. StP., 1899.
83. *Yamatoto K.* Classified dictionary of spoken Manchu. With Manchu, English and Japanese indexes. Tokyo, 1969. P. 104.
 84. *Мензес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
 85. *Сирота С.* К этимологии слова *жемчуг* // *Japanese Slavic and East European studies*. 1985. V. 6.
 86. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 105.
 87. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
 88. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. (Е — Муж). М., 1967.
 89. *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 171.
 90. *Яхонтов С. Е.* Фонетика древнекитайского языка I тысячелетия до н. э. Система финалей // *Проблемы востоковедения*. 1959. № 2. С. 145—146.
 91. *Старостин С. А.* О тонах в древнекитайском языке // *Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии*. М., 1983. С. 155.
 92. *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qoǰo (850—1250). Dem Gedenken an F. W. K. Müller und A. von Le Coq. Wiesbaden, 1973. S. 59.
 93. *Tekin T.* The Tariat (Terkhin) inscription // *АОН*. 1983. Т. 37. Fasc. 1/3. P. 67.
 94. *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Словарь. Грамматика. Алма-Ата, 1957. С. 129.
 95. *Jäschke H. A.* A Tibetan-English dictionary. With special reference to the prevailing dialects. L., 1972. P. 8.
 96. *Laufer B.* The Si-hia language // *TP*. 1916. V. 17. № 1.
 97. *Яхонтов С. Е.* // *Советское востоковедение*. 1956. № 2. Rev.: *Csongor B.* Chinese in the Uighur Script of the T'ang-period // *АОН*. 1952. Т. 2. Fasc. 1.
 98. *Laufer B.* Sino-Iranica. Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran // *Field museum of natural history*. Publ. 201. Anthropol. Ser. 1919. V. 15. № 3.
 99. *Цы юань* (Источник слов). Цз. 3. Бэйцзин, 1979. М. 2478.
 100. *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. С. 142.
 101. *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia*. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987. Stockholm, 1988.
 102. *Sinor D.* The Turkic title *tutuq* rehabilitated / *Turcica et Orientalia*. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987. Stockholm, 1988.
 103. *Цы юань* (Источник слов). Цз. 4. Бэйцзин, 1983. М. 3111.
 104. *Nyberg H. S.* A manual of Pahlavi. Pt II: Idiograms, glossary, abbreviations, index, grammatical survey, corrigenda to part I. Wiesbaden, 1974.
 105. *Gershevitch I.* Iranian nouns and names in Elamite garb // *TPhS*. 1969. [Oxford, 1970].
 106. *Расторгуева В. С., Молчанова Е. К.* Среднеперсидский язык // *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М., 1981.
 107. *Reichelt H.* Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909. S. 514.
 108. *Boyce M.* A word-list of Manichaean Middle Persian and Parthian. With a reverse index by Zwanziger R. // *Acta Iranica*. Troisième série: Textes et mémoires (Acta Iranica. 9a). Téhéran; Liège, 1977.
 109. *Gershevitch I.* A grammar of manichean Sogdian. Oxford, 1954.
 110. Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы / Чтение, перевод и комментарии Боголюбова М. Н. и Смирновой О. М. М., 1963. С. 114.
 111. *Bang W.* Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Dritter Brief: Vorläufiges über die Herkunft des türk. Ablativs // *UJb*. 1925. Bd 5. Hf. 4. S. 394—395.
 112. *Junker H. Np.* *āsān* «leicht» usw. // *UJb*. 1925. Bd 5. Hf. 4.
 113. *Bang W.* Nachwort // *Junker H. Np.* *āsān* «leicht» usw. // *UJb*. 1925. Bd 5. Hf. 4. S. 414.
 114. *Nyberg H. S.* Hilfsbuch des Pahlavi. Pt II: Glossar. Uppsala, 1931. S. 29—30.
 115. *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd 2: D — M. Lf. 14. Heidelberg, 1960. S. 456.
 116. Книга деяний Ардашира Папакана / Грузинский перевод, исследование и среднеперсидско-грузинский словарь Чхеидзе Т. Д. Тбилиси, 1975. С. 83 (на груз. яз.).
 117. *Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х.* Татский язык // *Основы иранского языкознания*.

- Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 239.
118. *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen / Unter Mitarbeit von Berger P.-M., Korbelt G. und Nippa A. / Göttinger Orientforschungen. III. Reihe: Iranica 3. Wiesbaden, 1975. S. 53.
 119. *Maenchen-Helfen O. J.* The world of the Huns. Studies in their history and culture / Ed. by Knight M. Berkeley; Los Angeles; London, 1973. P. 181.
 120. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии Лившица В. А. М., 1962.
 121. *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
 122. *Hinz W.* Neue Wege im Altpersischen // Göttinger Orientforschungen. III. Reihe: Iranica 1. Wiesbaden, 1973. S. 128.
 123. *Salemann C.* Mittelpersisch // Grundriss des Iranischen Philologie / Hrsg. von Geiger W. und Kuhn E. Bd 1. Abt. 1. Strassburg, 1895—1901.
 124. *Потанов Л. П.* Сакральное значение слова «богатый» в алтае-сайнских тюркских языках (по этнографическим материалам) // Turcologica, 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.
 125. *Sims-Williams N.* Christian Sogdian manuscript C 2 // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte XII. Berlin, 1985.
 126. *Telegdi S.* Un emprunt sogdien en turc // Körösi Csoma-Archivum. Suppl. V. I: 1935—1939. Leiden, 1967. P. 501—502.
 127. *Frye R. M.* The golden age of Persia. The arabs in the East. L., 1975. P. 98.
 128. *Korsch Th.* Türkische Etymologien // V. Thomsen Festschrift. Leipzig, 1912. S. 199.
 129. *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
 130. *Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974. P. 91.
 131. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I (А—Д). М., 1964.
 132. *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
 133. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I: А—К'. М.; Л., 1958.
 134. *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973.
 135. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. (Т — *ящур*). М., 1973.
 136. *Miklosich F.* Die türkische Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumänisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinrussisch, Großrussisch, Polnisch) // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Wien. Philos.-Hist. Cl. 1884. Bd 34. S. 271.
 137. *Németh J.* Wanderungen des mongolischen Wortes *nokür* «Genosse» // АОН. 1953. Т. 3. S. 13—14.
 138. *Vámbéry H.* Etymologisches Wörterbuch der türko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878. S. 86.
 139. *Malandra W. W.* A glossary of terms for weapons and armor in Old Iranian // IJ. 1973. V. 15. № 4. P. 273.
 140. *Андроникашвили М. К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Т. Тбилиси, 1960. С. 120 (на груз. яз.).
 141. *Henning W. B.* A fragment of a Khwarezmian dictionary / Ed. by MacKenzie D. N. L., 1971. P. 28.
 142. *Benveniste E.* Textes Sogdiens. P., 1940.
 143. *Harmatta J.* The oldest Brāhmi inscription in innermost Asia // АОН. 1967. Т. 20. Fasc. 1. P. 8.
 144. *Малов С. Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. 1947. № 1.
 145. *Poppe N.* Turkic loan words in Middle Mongolian // CAJ. 1955. V. 1. № 1. P. 40.
 146. *Kuiper F. B. J.* Four word studies // IJ. 1973. V. 15. № 3. P. 184.
 147. *MacKenzie D. N.* Notes on the transcription of Pahlavi // BSOAS. 1967. V. 30. Pt 1.
 148. *Henning W. B.* Sogdian tales // BSOAS. 1945. V. 11. Pt 3. P. 465.
 149. *Aalto P.* Iranian contacts of the Turks in pre-Islamic times // Studia Turcica / Ed. Ligeti L. Bp., 1971.
 150. *Asmussen J. P.* X^uastvānīft. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965. P. 199.
 151. *Bang W., Gabain A. von., Rachmati G. R.* Türkische Turfan-Texte. VI: Das Buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk // SPAW. Jg. 1934. St. 10. S. 64, 92.

152. *Bailey H. W.* Excursus Iranocaucasicus // Acta Iranica. Deuxième série: Hommages et opera minora (Acta Iranica. 4). Monumentum H. S. Nyberg. V. 1. Téhéran; Liège, 1975. P. 34.
153. *Wollaston A. N.* English-Persian dictionary. L., 1904. P. 210.
154. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II: L—R. Л., 1973. С. 255.
155. *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986. С. 141.
156. *Vámbéry H.* Die Primitive Kultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig, 1879. S. 194.
157. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1: A—Ko. Heidelberg, 1960. S. 867—868.
158. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 18. Aufl. / Bearb. von Mitzka W. Berlin, 1960. S. 315.
159. *Abaev V. I.* Contribution à l'histoire des mots // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. P., 1975. P. 2.
160. *Kuiper F. B.* // IJL. 1976. V. 18. № 1/2. P. 97. Rev.: Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. P., 1975.
161. *Henning W. B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. 4. Bd Iranistik. 1. Abschn. Linguistik / Mit Beiträgen von Hoffmann K., Henning W. B., Bailey H. W., Morgenstierne G., Lentz W. Leiden; Köln, 1958, S. 85.
162. *Duchesne-Guillemin J.* Miettes iraniennes // Hommages à George Dumézil. Bruxelles, 1960. P. 97—98.
163. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
164. *Boyce M.* Naoma, priest of the sacrifice // W. B. Henning Memorial Volume. L., 1970.
165. *Vullers I. A.* Lexicon Persico-Latinum etymologicum. Accedit appendix vocum dialecti, antiquioris, Zend et Pazend dictae. T. 1. Bonnae ad Rhenum, 1855. P. 913—914.
166. *Steingass F. A.* A comprehensive Persian-English dictionary. L., 1892. P. 1058.
167. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III: S—T'. Л., 1979. С. 331—333.
168. *Gabain A. von.* Von Ötükän nach Idiqt-šähri. Studie zur Akkulturation der Alt-Türken // AOH. 1982. T. 36. Fasc. 1/3. S. 187.
169. *Bailey H. W.* Indo-Iranian studies. III // TPhS. 1955. [Oxford, 1956]. P. 77.
170. *Тумос Е. И.* Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. С. 124.
171. *Poppe N.* On some Altaic names of dwellings // StO. 1964. V. 28. № 3. P. 10.
172. *Eyuboğlu I. Z.* Türk dilinin etimoloji sözlüğü. Istanbul, 1988. S. 243.
173. Согдийские документы с горы Мур. [Вып. I]: *Фрейман А. А.* Описание, публикации и исследование с горы Мур. М., 1962. С. 30.
174. *Sundermann W.* Ein manichäisch-soghdische Parabelbuch // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte. XV. Berlin, 1985. S. 42.
175. *Sertkaya O. F.* Fragmente in Altürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden // Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa / Hrsg. von Röhrborn K. und Veenker W. Wiesbaden, 1985. S. 152.
176. *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd 1: A—Th. Lf. 7. Heidelberg, 1956. S. 478.
177. *Kent R. G.* Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. 2-nd rev. ed. New Haven, 1953. P. 186.
178. *Benveniste E.* Etudes sogdiennes. Wiesbaden, 1979. P. 310.
179. *Шервашидзе И. Н.* К этимологии тюрк. *Ašina* // III Всесоюзная конференция востоковедов: «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке»: Тез. докл. и сообщ. Душанбе, 16—18 мая 1988. Т. I. М., 1988.
180. *Поппе Н.* Монгольские названия животных в труде Хамдаллах Казвини // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук СССР. V. I. Л., 1925. С. 200.
181. *Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanbul // AOH. 1962. T. 14. Fasc. 1/2. P. 61.
182. *Halévy J.* Nouvelles considérations sur le cycle turc des animaux // TP. 1906. Sér. 2. V. 7. № 2. P. 294.
183. *Blažek V.* The Sino-Tibetan etymology of the Tocharian A *mkow-*, B *moکو-* «Monkey» // ArO. 1984. V. 52. № 4. P. 390.
184. *Bang W.* Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichende Grammatik des Türkischen. 4. Mitteilung: Durch Possessivsuffix erweiterte Nominalstämme // APAW. Jg. 1921. № 2. S. 14.
185. *Róna-Tas A.* Böz in the Altaic world // Altorientalische Forschungen. III. Berlin, 1975. P. 162.

186. Хелимский Е. А. Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // ВЯ. 1986. № 5.
187. Ecsedy H. Böz — an exotic cloth in the Chinese imperial court // Altorientalische Forschungen. III. Berlin, 1975.
188. Menges K. H. Report of the second excursion to Taškent for research in Čařataj manuscripts // CAJ. 1966. V. 11. № 2. P. 99.
189. Габескурия III. В. Лексика произведений Юнуса Эмре. Тбилиси, 1983. С. 200.
190. Róna-Tas A. Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. V. Protokollband der XII. Tagung der PIAC, 1969 in Berlin / Hrsg. von Hazai G. und Zieme P. Berlin, 1974.
191. Van Windekens A. J. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. I: La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976.
192. Morgenstierne G. Etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. P. 33.
193. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd I—II. Bern; München, 1959.
194. Иванов Вяч. Вс. К проблеме тохаро-алтайских лексических связей // ВЯ. 1988. № 4.
195. Баскаков Н. А. О некоторых тохарских заимствованиях в лексике тюркских языков // Tatarica. Studia in honorem Ymär Daher anno MCMLXX sexagenario. Vammala, 1987.
196. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b—k). М., 1971.
197. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l—ž). М., 1976.
198. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p—q). М., 1984.
199. Стеблин-Каменский И. М. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982. С. 103.
200. Kaufman S. A. The Akkadian influences on Aramaic. Chicago; London, 1974. P. 82—83.
201. Bailey H. W. A Turkish-Khotanese vocabulary // BSOAS. 1944. V. 11. Pt. 2. P. 291.
202. Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kurzer Fassung. T. 5. StP., 1884. S. 152.
203. Bang W. Gewagte Türkische Worterklärungen // MSFOu. 1933. T. 67. S. 35—36.
204. Pelliot P. Tängrim > tärim // TP. 1944. V. 37. Liv. 5.
205. Ligeti L. Mots de civilization de Haute Asie en transcription chinoise // АОН. 1950. Т. 1. Fasc. 1. P. 143, 168—169.
206. Шервашидзе И. Н. Об одном древнем миграционном теониме // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Ташкент, сентябрь, 1986 г. Т. II: Лингвистика. М., 1986.
207. Sinor D. The origin of Turkic *Balıq* «town» // CAJ. 1981. V. 25. № 1/2. P. 98.
208. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
209. Sinor D. Some names for bovines // АОН. 1962. Т. 15. Fasc. 1/3. P. 318.
210. Munkácsi B. Árja es kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. I. Magyar szójegyzék s bevezetésül: a kérdés története. Bp., 1901. L. 597.
211. Хелимский Е. А. Etymologica. 1—48 // Материалы по этимологии матурско-тайгиско-карагасского языка // Nyelvtudományi Közlemények. 1986. Köt. 88. Szám. 1/2. L. 129—130.
212. Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte des türkischen Sprachen // StO. 1949. V. 15.
213. Donner K. Zu ältesten Berührungen zwischen Samoieden und Türken // JSFOu. 1924. T. 40. S. 5.
214. Paasonen H. Beiträge zur finnischugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Bp., 1917. S. 194.
215. Понне Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.
216. A magyar nyelv történeti-etimológia szótára. Köt. 2: H—O. Bp., 1970. L. 127.
217. Collinder B. Fenno-Ugric vocabulary: An etymological dictionary of the Uralic languages. 2nd rev. ed. Hamburg, 1977. p. 58.
218. Gabain A. von. Das Staatsbewusstsein im uigurischen Königreich von Qoço, 840—1400 // Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987. Stockholm, 1988.